

Ирина Подойницына

Правее на солнце, вдоль рядов кукурузы

16+

Ирина Ивановна Подойницына

Правее на солнце, вдоль рядов кукурузы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61549946
SelfPub; 2020*

Аннотация

Книга «Правее на солнце, вдоль рядов кукурузы» написана для тех, кто любит путешествия, иногда в самые необычные места на земле, кто увлекается разгадыванием различных интеллектуальных ребусов, связанных с изучением новых городов в своих маршрутах, кто ищет гармонию в жизни и любовь. В Первой главе книги подобраны ретро-повести, они посвящены молодости автора, которая прошла в Ленинграде, строительству Байкало-Амурской магистрали – то есть великим событиям советской эпохи. В новелле «Железные люди» рассказывается о скромных, но сильных трудолюбивых людях, это о семье Кутовых, на таких людях держится Россия. Здесь обыгрывается образ – люди идут правее на солнце, вдоль рядов кукурузы – к своей цели, то есть тропой героев... Вторая глава книги посвящена любви, вечной теме для всех пишущих людей. В Третью главу книги помещены новеллы и повести о путешествиях, которые обогащают знаниями, идеями, заставляют посмотреть на жизнь с другого ракурса и заявить: небываемое бывает!

Предисловие

Книга «Правее на солнце, вдоль рядов кукурузы» является логическим, тематическим продолжением первой большой литературной книги автора «Путешествие от себя – к себе, в радиусе от центра Вселенной». Также, как и в той первой книге, в этой, которую вы держите сейчас в руках раскрываются три основные темы, всегда волнующие автора: воспоминание о прошлом, о советской эпохе; любовь во всех ее проявлениях и путешествия. Новеллы и повести я объединила в три главы, по магистральным тематикам, для удобства чтения и восприятия.

Глава первая «Ретро-повести. Воспоминания о прошлом» включает в себя три произведения. В первом – «Арка, мимо которой прошла юность» – рассказывается о Ленинграде 70-х годов прошлого века, в котором прошла юность автора, об однокурсниках, вместе с которыми формировались взгляды на журналистику, литературу, рок-музыку. Интересно, что эта ретро-повесть написана «по мотивам» моей юношеской повести, напечатанной сорок лет тому назад на пишущей машинке «Москва», на которой любили работать советские журналисты, повесть чудом сохранилась в моих бумагах. Это значит, что я могу еще, если захочу, посмотреть на Ленинград глазами 20-летней девушки. А могу сравнивать свои девические впечатления с более зрелым взглядом на город на Неве и на ту же журналистику. В ретро-повестях мне нравится перекидывать мостики из прошлого – в насто-

ящее и анализировать, как изменились мои герои.

В произведении «Железные люди» я рассказываю о своих родственниках, многие из которых прошли славный жизненный путь, были и являются известными людьми в России. Переосмысление трудового опыта людей с удавшейся карьерой помогает понять и свою собственную жизнь, установить в ней нравственные ориентиры. Помните, от предков мы должны брать идеалы и веру в бога. Произведение «Магистраль века – магистраль любви» посвящено БАМу, я всегда мечтала проехать на пассажирском поезде от Якутска до столицы БАМа Тынды, так как начинала строить БАМ в составе Студенческих Строительных Отрядов в далекие 70-е. Ждать этого поезда пришлось долго – почти 40 лет. Но главное – железнодорожное путешествие состоялось. И проезжая 40 лет спустя гремевшие когда-то славой железнодорожные станции на великой магистрали, я встречала «по ходу» немного постаревших бамовцев, которые по-прежнему были влюблены в друзей своей молодости, в свою профессию, в магистраль века. Это было приятным открытием в моих писательских исканиях. Ради подобных открытий и стоило так долго ждать этого путешествия. И еще – чтобы увидеть, что «все, построенное при нас, до сих пор работает». Вот поэтому я и называю магистраль века магистралью любви.

Я горжусь тем, что изобрела новый жанр – ретро-повесть. Это повесть – лирическое воспоминание о прошлом, чаще – о советской эпохе. В ней обязательно присутствует доку-

ментальность, соблюдается хронология событий, в ней есть журнализм: герои дают мне интервью, отвечают на вопрос по-репортажному кратко, иногда скупое. Но в этих повестях много лирики, целое море лирики: ностальгии, грусти, сочувствия, радости – всего вместе. Поэтому ретро-повесть – вещь субъективная. Это нарратив, как говорим мы, социологи. Живая история жизни, взятая в нескольких разрезах: прошлое, настоящее и будущее. Три плоскости, три ракурса взгляда. Иногда они перехлестывают друг друга, заставляют поменять ориентиры оценки. Оказывается, что в прошлом человек был гораздо интересней, чем сейчас. Приставка «ретро» отчасти означает то, что человек, сочинивший эти повести, придерживается кое в чем советских взглядов.

Глава вторая книги носит название «Любовь – нелюбовь». Любовь мужчины и женщины – вечная тема писателей-романистов. Казалось бы, что здесь можно найти нового и интересного?! Но в процессе исследования жизни оказалось, что можно – не все еще рассказано о любви. Вот, например, знали ли вы, что существует такой тип женщины – талантливая, красивая и ...совершенно свободная сексуально, на грани аморальности, фактически *duxless*. Что принесет мужчине любовь-страсть к подобной женщине? Это любовь созидательна или разрушительна? Если хотите узнать, прочтите историю дамы по имени Нуоба (нет-нет, не Лиля Брик, а Нуоба) в рассказе «Курортный роман под аккордеон». В главе второй есть один рассказ, который немного отличается

по своей сюжетной линии от других – это рассказ «На Ленина хорошая погода, на Брайтон Бич опять идут дожди». Рассказ посвящен судьбе замечательного пианиста Виктора Климина, который уехал в 40 лет из Якутска в Нью-Йорк и сумел там прожить насыщенную творческую жизнь. Здесь тоже есть любовь мужчины и женщины, только женщиной выступает педагог по музыке, а мужчиной – ее ученик, и любовь их чиста, возвышенна и созидательна.

Глава третья «Путешествия по миру» посвящена поездкам по всему свету, литературной интерпретации дневниковых записей. В этой главе 9 новелл – об Израиле, Палестине, Турции, Египте, Китае, Японии и Болгарии. В новелле «Про любовь лошадей и людей» говорится о коротком и очень интересном путешествии по Якутии – это про местечко Танхай под Намцами, недалеко от Якутска. Я смею утверждать, продолжая линию первой книги, что путешествовать по Якутии, по ее малоизвестным заповедным местам – это такое же наслаждение, как и путешествие по раскрученным международным маршрутам. В этой главе есть один рассказ, который тоже немного «выбивается» из общей тематики, совсем чуть-чуть – это рассказ не о путешествии как таковом, а об остановке в пути – в уютном хостеле «Рукавичка» в центре Иркутска. Здесь есть рассуждения о том, где предпочтительнее всего останавливаться заядлому путешественнику – в отеле, в хостеле, у друзей или в каких-либо других местах. Хотелось бы сказать несколько слов о названии книги.

Предвижу вопросы – при чем здесь кукурузное поле? Скажу сразу: правее на солнце, вдоль кукурузного поля – это символический образ. «Идите правее на солнце, вдоль кукурузного поля!» – так воскликнул стюард с самолета Дамира Юсупова, который чудом приземлился на кукурузном поле. Я пишу в своей книге, что это призыв победителей, которые преодолевают обстоятельства, смело идут вперед, строя свою жизнь по собственному сценарию, собственным лекалам. Я мечтала найти таких людей, которые независимо и мужественно строят свою жизни. И я рада, что я нашла таких людей! Это тоже было одной из целей моего литературного исследования жизни, моих трудных писательских поисков.

Глава первая. Ретро-повести. Воспоминания о прошлом

Арка, мимо которой прошла юность

Моим однокурсникам посвящается

Я поселилась в старом-старом доме на углу ул. Звенигородской и ул. Марата в огромном европейском городе, который тогда, в 70-х годах XX века носил название Ленинград. В далеких и благополучных 70-х я была уверена, что все, что меня окружает, навсегда: мои родители, СССР, советские ценности, партийная печать, Ленинград. Забыла сказать главное: в 70-х я была студенткой факультета журналистики ЛГУ им. А.А. Жданова, чем невероятно гордилась.

Я выбрала эту квартиру, потому что из моего окна была

видна арка. В арку моего дома XIX в. можно было наблюдать кусочек трамвайных путей, старые трамваи проплывали мимо и полязгивали на стыках, когда заворачивали на Звенигородскую. До меня эти трамвайные пути были видны из окон лет сто кряду. Я называла это скромно – «прикосновение к вечности». И домам, и библиотеке с камином и картинами Врубеля, и мостовой было сотни лет! Если быть точным, мостовой было двести семьдесят лет. Улица Марата именовалась когда-то Преображенской-Полковой. На ней был расквартирован Преображенский полк, старейший из гвардейских полков империи. На улице проживали купцы, адвокаты, творческая интеллигенция. Они наполняли этот район кипучей деятельностью.

Здесь жила няня А.С. Пушкина Арина Родионовна. Мостовые Марата все еще помнят гуляющего романтического Пушкина. Помнят эти дома и дворы мрачноватой внешности человека с бородой, погруженного в себя. Его звали Федор Достоевский. На Марата он не жил, он обитал в районе, прилегающем к Марата, а здесь писатель появлялся, фактически каждый день, торопясь выйти на Невский, а также заходил в гости.

На этой улице родился Лев Гумилев, Шостакович, Радищев напечатал свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». На этой улице писатели устраивали «литературные банкеты», на которые заглядывали Тютчев, Чехов, Достоевский, позже – Горький, Ахматова, Зощенко. После ре-

волюции улице дали имя пламенного борца за идеи революции якобинца Марата. Наверное, потому, что здесь устраивали большевистские сходки Ленин и Сталин.

Для меня же было очень важно, что я живу в центре города. Я бы сказала, это было концептуально важно. Мне хотелось впитать дух русского мегаполиса, его историю и культуру. Чем ближе по своей улице Марата я приближалась к Невскому, тем чаще я встречала стильно одетых людей. Они придерживались определенного стиля моды и носили только качественные вещи, купить которые в СССР было достаточно сложно, но все равно это им удавалось. Я, впрочем, и сама часто обращалась к помощи фарцовщиков, но касалось это дисков и книг. Из всей этой стильно одетой публики мне больше всего нравились девушки в норковых шубках, густые каштановые волосы были раскиданы у них по плечам. У девушек имелась прекрасная бижутерия, были ярко покрашены губы, сумочки носились под цвет маникюра. И эта потрясающая женственность меня очаровывала. Я называла этих ленинградок «королевами Ингерманландии». В провинциальных российских городах, откуда я родом, не водится таких девушек – местным красавицам не хватает шарма и загадки в глазах. Но на Невском ты всегда можешь встретить королеву.

О соседях по советскому коммунальному быту. Я переехала на ул. Марата в солнечный, погожий день. На кухне

хлопотала женщина в выцветшем, застиранном халате.

– Здравствуйте, – сказала она, обернувшись ко мне и быстро пробежала по мне взглядом. – Кузьке варю рыбу.

В начале она не особенно была настроена на разговор. Жидкие спутанные волосы у женщины были собраны в пучок, лицо было в ссадинах и заплатах. Не трудно было догадаться, что передо мною профессиональная городская алкоголичка, привыкшая тихо пить в своих «хоромах». Кузька, которому варилась треска, был котом. Он лежал у порога, откинув хвост перпендикулярно жирному телу.

– У вас тут уютно, – сказала я и прошла в свою комнату.

В юности мы любим все человечество. В юности у нас нет плохих и хороших, мы верим, что любые неполадки судьбы можно исправить. У меня и в мыслях не было осуждать соседку. Кажется, Елена Николаевна – так звали женщину – сразу почувствовала это и расположилась ко мне.

Через пять минут раздался стук в дверь моей комнаты.

– Пойдёмте пить чай, – предложила женщина. – Познакомимся.

Старомодная комнатка соседки удивила идеальной чистотой: такое ощущение, что слоники с поднятыми хоботами, которые стояли на комод, протирались по несколько раз в день. В комнатке стояли старый шкаф, диван, комод с статуэтками, большой круглый стол, тумбочка с телевизором, швейная машинка «Зингер» и небольшим диссонансом – черный рояль. Все было очень по-советски, но уютно. Елена

Николаевна налила мне чай и бокал «Вермута», включила кнопку телевизора. Обстановка была создана.

– Ты думаешь, я пьяница? – задала Елена Николаевна до сих пор не решенный для себя самой вопрос. Отнесем его к числу риторических. – Вот они, думаешь, не пьют? – ткнула она пальцем в телевизор, по которому показывали хоккейный матч.

– Не знаю, – ответила я. Но доводить дело до конфликта с самого начала не хотелось.

– Пьют! – убежденно заявила женщина и засунула в пьяные мягкие губы «Беломорканал». – Но дело свое знают. Играют Мальцев, Харламов, Достоевский.

Это, конечно, был шедевр городского фольклора. Писателя Достоевского дама с «Беломорканалом», правда, перепутала с хоккеистом Полугаевским, но ничего страшного – все было в рамках жанра. Позже мы с однокурсниками на наших вечеринках, поднимая бокалы, любили повторять – «Пьем! Но дело свое знаем». И кто-нибудь обязательно добавлял, как рефрен: «Играют Мальцев, Харламов, Достоевский».

Мы с соседкой выпили еще чаю, потом – бокал «Вермута». Закусывали квашенной капустой. Мне по-прежнему не хотелось вступать в конфликт. Потом Елена Николаевна встала со своего стула, немного покачиваясь, направилась к шкафу и бережно извлекла оттуда старый серый пиджак с плечиками. Я помогла ей надеть его, и женщина уставилась тупым задумчивым взглядом в мутноватое зеркало шкафа.

Я подумала, что во времена господства серых пиджаков моя соседка была очень даже хороша собой.

Потом Елена Николаевна подошла к столу и разложила передо мной семейные фотографии. И я не без интереса узнала, что муж Елены Николаевны Николай Павлович происходил из культурной и состоятельной петербургской семьи. Дама в шляпке и в блузке с брошкой, с уверенным и немного высокомерным взглядом на фото была его мамой. Николай Павлович пошел работать на Ленинградский часовой завод, встретил там Елену Николаевну, сразу женился на ней, у них родилась дочка и на этом карьера его закончилась. Поступать в институт и продолжать музыкальную деятельность Николай Павлович не стал. Он остался работать на заводе. А Елена Николаевна начала пить. Вот только почему это случилось, мне так и не удалось узнать, возможно, в этом крылась какая-то семейная тайна.

– Дочь у меня коммунистка, муж – передовик производства, а я – пьяница, – сделала заключение Елена Николаевна с какой-то непонятной для меня гордостью и поставила на одну из пожелтевших фотографий пустую бутылку «Вермута». Я убрала пустую бутылку, исходя из народной приметы. На фото по послевоенному полупустому Невскому в длинном пальто шел красивый черноволосый мужчина, держа под руки скромную миловидную девушку в сером пиджаке. И оба они улыбались – видимо, думая о своем светлом будущем.

Николай Павлович был удивительным человеком. Я рада, что была знакома с ним. Он был, на мой взгляд, настоящим питерским интеллигентом. Он вырос, действительно, в культурной семье. Его мама – та самая, с брошкой – пережила блокаду, она запрещала растапливать камин книгами, менять их на еду, она мужественно сохранила семейную библиотеку почти в неприкосновенности. Образованная женщина хотела, чтоб Николай Павлович играл на фортепиано, и он учился музыке, чтобы угодить матери. Когда я жила на Марата, Николай Павлович иногда музицировал на фоне, но руки у него были уже не те, костяшки пальцев были увеличены из-за артрита и тяжелого физического труда на заводе. Николай Павлович не мог бросить и предать свою жену, больную безвольную женщину. Он даже голос не мог на нее повысить. Они никогда не ругались. Я не слышала от мужчины ни одного матерного слова. Интеллигентность – это внутренний нравственный стержень, ответственность за старшего по возрасту или больного. Это в характере Николая Павловича было.

Когда я уезжала из Ленинграда, Николай Павлович и Елена Николаевна, и еще соседи из других комнат пришли проводить меня. Николай Павлович подарил мне медаль «За оборону Ленинграда». Я стала усиленно отказываться, но это было бесполезно. Николай Павлович прикрепил медаль на лацкан моего фланелевого халата.

– Ирка, мы тебя награждаем, за то, что ты прожила вместе

с нами почти пять лет. За то, что ты нас терпела и прощала. За то, что поняла, кто мы такие, ленинградцы. Теперь ты нас не забудешь...

Соседи захлопали в ладоши и засмеялись. Все прониклись пафосностью момента.

Ну вот я и не забыла.

О культуре. Когда я приехала в Ленинград, с Крайнего Севера, я испытала настоящий культурный шок. Мне было страшно за свою неосведомленность во многих вопросах и временами даже дремучесть, хотя я прибыла в Питер с золотой медалью за окончание школы. Мои родители наивно полагали, что золотая медаль даст мне большие преференции в жизни. Я, действительно, поступила в Ленинградский Государственный Университет им. А.А. Жданова, сдав только один экзамен и меня сразу же зачислили в ряды студенчества. Студенческий билет мне вручил профессор Сергей Васильевич Смирнов, фронтовик и гуру советской партийно-советской печати. На этом преференции закончились.

Я, конечно, ходила на все лекции, все записывала (у меня до сих пор сохранились аккуратные конспекты) и дисциплинированно готовилась к семинарам. Мне было неудобно вести себя по-другому, ведь ленинградская профессура оказала мне доверие – я должна была доказать, что я настоящая отличница.

Но на самом деле меня интересовали другие вещи – мне

хотелось постичь культуру этого города, все ее направления, все ее стили, понять и изучить трансляторов культуры и ее кумиров. Вначале я снимала квартиру с Ирой Семенютой на проспекте Науки. Я отрезала свою длинную, до колен косу и сделала модную химическую завивку. Мы с Ирой сидели на кухне напротив хозяйки нашей квартиры Софьи Яковлевны Ерошиной, ленинградской интеллигентки и слушали ее наставления, как вести себя в Ленинграде.

– Девочки, жизни вас научит сам город. Совсем не обязательно ходить на все лекции. Ходите на лекции только тех преподавателей, которые достойны вашего внимания, которые не пересказывают учебники, а выражают свое мнение. Остальные преподаватели вам не нужны, они просто жалкие функционеры от образования, – хозяйка-интеллигентка снисходительно улыбалась, видя, как мы пугливо смотрим на нее. Ее мнение казалось нам слишком радикальным. Но ей стоило верить, ведь Софья Яковлевна сама была преподавателем и в прошлом директором крутой школы. – Лучше ходите в театры, на концерты, на выставки свободных художников. Здесь есть такие художники и музыканты, которых не встретишь в других городах. И чаще встречайтесь с мальчишками! Что может быть лучше студенческой любви! а 5 курсе выйти замуж, – сказала интеллигентка и лукаво, подсмеиваясь посмотрела на нас.

Она заварила кофе в турке и размяла сигарету «Родопи» в руках.

– Свободные художники и музыканты часто устраивают выставки и концерты в чьей-нибудь квартире, это называется «квартирник», – уточнила хозяйка.

Мы с Ирой Семенютой вконец засмутились. Ира была такой же, как и я, воспитанной домашней девочкой. Наставления хозяйки нас испугали. Ленинград представился нам городом соблазнов, обманов и каких-то сложных подтекстов, которые мы пока боялись постигать. Внешне он был очень советским городом, но хозяйка намекала нам на то, что был и другой Ленинград – в нем жили свободные художники и музыканты, а на «квартирниках» собирались странные личности. Мы с Ирой Семенютой решили, что пока мы не будем углубляться в эту тему. А вдруг эти соблазны увлекут нас и собьют с пути?! Ни на какие «квартирники» ходить не будем – а вдруг влипнем в историю, нас закроют там и не выпустят, привяжут к стулу и будут заливать нам в горло вино. Ну нет уж, лучше мы будем «обитать» пока в студенческих аудиториях!

Однако такое «школьное» настроение длилось у меня недолго. Я решила окунуться в пучину культурной жизни Ленинграда. Я отправилась на Финляндский вокзал, там рядом был отличный магазин «Грампластинки», купила диск «Джаз Чижика» и стала слушать Дж. Гершвина, а потом купила билет в Филармонию им. Д.Д. Шостаковича на настоящий концерт, где симфонический оркестр исполнил «маленький кусочек» из «Порги и Бесс». Мелодию «Колыбель-

ной Клары» я обожала и слушала ее на главном своем «приданном» – магнитофоне «Весна» или заказывала на радио, в исполнении Эллы Фицджеральд или Дженис Джоплин. Я стала посещать ленинградские театры: Большой Драматический театр, там правил бал режиссер Георгий Товстоногов. Билеты достать было практически невозможно. Ходила в театр им. Ленсовета, на спектакли, которые ставил режиссер Игорь Владимиров, чаще всего для своей супруги великолепной Алисы Фрейндлих. Я любила Александринский театр – мне он представлялся настоящим имперским классическим театром. Мне нравились огни вечернего Невского, когда я возвращалась со спектакля домой. До сих пор сохранились театральные программки той поры.

Сегодня, 40 лет спустя, что прошли-пробежали с тех счастливых студенческих лет, я все же умудрилась найти эти несколько программок, которые чудом сохранились в моих бумагах и теперь просматриваю их с удовольствием и даже с пиететом. Вот, например, держу в руках программку концерта испанской гитаристки Ренаты Тарраго, Большой зал Филармонии. У меня в этой программке отмечено «Арабское каприччио» – видимо, больше всех понравилось мне. И, наверное, меня увлекло то, что эта пианистка приехала из Испании. Вряд ли бы я смогла услышать таких музыкантов мировой величины у себя на Крайнем Севере! Сохранилась программка за 6 копеек «Порги и Бесс», музыкальной драмы, которую я прослушала в Малом театре Оперы и Балета.

Наконец-то я прослушала свою любимую драму от начала и до конца, что называется, живьем. Как будто побывала на Бродвее. Есть программка из Ленинградского мюзик-холла Ильи Рахлина. На этой сцене я слушала концерт Сергея Захарова – до его тюремного заключения и после. Сергей Захаров так и не смог прорваться в «первые ряды» шоу-бизнеса, по некоторым выводам критиков. Но для меня тогда, в начале 70-х Сергей Захаров представлялся символом свободного западного певца – во-первых, об этом «говорил» его голливудский облик, во-вторых, в то время он уже был победителем международных конкурсов «Золотой Орфей» в Болгарии и «Сопот-1974» в Польше. Есть программки Ленинградского Государственного Академического Театра Комедии. Но больше всего у меня осталось программок театра им. Ленсовета, видимо, я больше всех любила этот театр – «Земля Обетованная» по Сомерсету Моэму, «Круглый стол под абажуром» Вл. Арро, «Победительница» по А. Арбузову. Я даже знаю бар, в котором любил бывать И. Владимиров, я тоже заходила в него – это бар «Колибри» на Садовой.

Очень ярко я запомнила такую картинку, она крутится в моем мозгу как песенка с заезженной пластинки: мы с Виталиной Дорошенко отправляемся расфуфыренные на спектакль по Г. Ибсену «Любовь под вязами». Его ставил театр из Сан-Франциско, этот театр был консервативный, небродвейского направления. Виталина купила себе и мне билеты на спектакль и весь путь в театр она рассказывала мне, в

чем разница между бродвейским и небродвейским направлением, а я относилась к этому иронически и фактически не слушала подругу. А зря – Виталина, между прочим, после окончания Университета стала известным театральным критиком в своем родном городе Запорожье. Но узнала это я только на встрече однокурсников, 30 лет спустя после окончания ЛГУ.

А тогда, в 70-х я просто подсмеивалась над ее сентенциями. Обратное, когда мы возвращались из театра, мы залюбовались на остроносый готический дом-корабль, который углом выходил на Кировский проспект. В белые ночи этот дом на Кировском проспекте напоминал гриновский корабль. Мы пришли ко мне на Марата – в то время я уже съехала с первой квартиры и перебралась в центр города – и всю ночь готовились к экзамену по русской литературе. Я читала учебник, а Виталина сладко посапывала у меня на плече, я расталкивала ее, но она утверждала, что все понимает и усваивает. Помню, я читала про Герцена. Витуле попался на экзамене Герцен. Она смогла восстановить в памяти только одну фразу из своего сна, что писатель провел ссылку в Вятке в одиночестве. Она даже не смогла сформулировать, кого конкретно разбудил «Колокол». Виталина получила «тройку». Но зато мы опытным путем доказали, что обучение во сне – не лучший метод получения знаний.

Главным человеком, который сформировал мои культурные пристрастия и вообще «сделал» меня как культурную

личность был Владимир Борисович Фейертаг. Здесь основным было личное общение, контакт, обмен мнениями, влияние мощного авторитета. Но все по порядку. Когда я переселилась на Марата, я стала изучать свой район и довольно быстро нашла на Загородном проспекте Джазовый клуб. Я увидела скромную афишу «Лекция Владимира Фейертага. Что такое джаз?» Если честно, точное название той первой лекции я не помню. Программок не было. Я пришла. Крыльцо красивое, похоже почему-то на входы в нью-йоркские клубы. Зал небольшой, не особенно комфортный. Много молодых людей, одетых странно, с вызовом, в каких-то длинных шарфах, беретах, черных очках. Вышел мужчина с яркой еврейской внешностью, который показался мне старым. Но тогда Владимиру Борисовичу было всего лет 45. Тема лекции, в сущности, была будничной. Публика – обыкновенной. Ленинград утопал в обычном пепельном тумане и блеклом дожде. Но Фейертаг выступал так ярко, сочно и артистично, как будто это была особая лекция. Как будто именно это лекция должна была стать в жизни молодых людей судьбоносной – теперь они узнают о том, что такое джаз и после этой лекции их жизнь явно пойдет в гору. Когда мы вышли пить кофе, какой-то парень в кожаной куртке сообщил мне: «Фейертаг – это главный джаз-мэн Питера. Он еще в 60-х написал вместе с барабанщиком своего джаз-бэнда брошюру «Джаз». Сейчас ее просто не найти». «Но ведь, кажется, главный джазмэн – Давид Голощекин», – немного сму-

щаясь, предположила я. «Нет, нет, Фейертаг», – убежденно ответил парень.

И я стала постоянно приходить в Джаз-клуб, хотя и не была горячей поклонницей джаза. Я наслаждалась ораторскими способностями Фейертага и его страстной убежденностью, что на свете нет ничего более совершенного, чем джаз. От Фейертага я узнала про Дюка Эллингтона, Эллу Фицджеральд, Джорджа Гершвина, Леонида Чижика, «Ленинградский диксиленд» и многое другое. И вот еще что интересно – Владимир Борисович постоянно слушал радиостанцию «Голос Америки» – в 70-х годах это было доступно немногим. И нам, ребятам из ленинградских дворов и подворотен, из простых семей он рассказывал про американские и западные джаз-бэнды, про встречи и дружбу со многими известными людьми в мире музыки. Все, что рассказывал нам тогда о музыке Фейертаг, я не слышала нигде и никогда. Я поняла, мне надо искать такие же рок-клубы и рок-тусовки. Ленинград был городом культурного андерграунда. Убеждена, именно в андерграунде – в полуподвальных клубах, коммунальных квартирах и в котельных – в 70-х «делалась» настоящая культура.

Кино занимало особую страницу в жизни ленинградского студенчества. Мы бредили режиссером Андреем Тарковским. Для нас он был кумиром, он был духовным вождем молодежи 70-х. Мы гордились тем, что Тарковский делал кино как Федерико Феллини и Вуди Аллен. Мы с Наташей Сеи-

ной пошли в кинотеатр на 9-й линии Васильевского острова на фильм Тарковского «Андрей Рублев». Наташа Сеина была большеглазой, смешливой, но серьезной девочкой. Мы вместе учились в 4-й группе нашего курса, поэтому общались довольно часто. У Наташи была своя тусовка в общежитии, своя жизнь и множество баек и легенд об этой жизни. Я немного завидовала ей, потому что она хорошо учится и очень популярна в общежитии. «Ты широко популярна в узких кругах», – говорила я Наташе. «Общежитские» считали себя крутыми, им было не очень понятно, зачем я снимала квартиру и тратила деньги (30 рублей в месяц). Но я уже объяснила, почему я это делала. Я не испытывала чувства неполноценности, что была немного в стороне от курса, потому что у меня был свой план «покорения Ленинграда».

Мы с Натальей не поняли, почему Андрей Рублев всегда молчал. Молчал, когда был монахом Троице-Сергиева и Спасо-Андроникова монастыря и когда с Феофаном Иконником расписывал Благовещенскую церковь в Первопрестольной. Мы решили, что это режиссерский ход. Но позже я прочла, у Паолы Волковой, что и Андрей Рублев, и Феофан Грек проповедовали такую духовную практику как исихазм – молчание, внутренняя сосредоточенность, полное безмолвие.

С Ниночкой Алпатовой, которая, также, как я и Виталина Дорошенко, была золотой медалисткой, мы отправились в Колизей смотреть Тарковского – «Зеркало». Ниночка была

славянской с длинной косой, голубыми глазами и сложно организованной психикой. Ниночка не любила мыслить просто и однолинейно, ей нужно было усложнять все, что происходило вокруг. Она мыслила очень заковыристо, ребята говорили – шизоидно. Прямо перед сеансом в Колизее, Ниночка звонила из телефона-автомата какому-то мужчине, наверное, своему поклоннику, и он объяснял ей, как трактовать «Зеркало». Она вышла из телефона-автомата, кокетливо и задумчиво улыбаясь – это означало, что она знает некую тайну. «Зеркало» произвело на нас сильное впечатление.

– Ты не понимаешь, Маргарита Терехова только внешне истерична и ненормальна, но все не так просто. Ее ведь образ должен нести какую-то идею, культурный код... А вот петуха убивают – это же тоже культурный код, а не просто акт убийства птицы. Андрей Тарковский – он ведь не признает соцреализм, это же слишком примитивно, – говорила Ниночка очень возбужденно. – Поэтому Тарковский и уезжает за границу. В СССР его не понимают и не поймут. Ой, мне надо бежать, меня ждут.

И Нина убежала – наверное, к тому телефонному абоненту. Ей срочно хотелось все обсудить, она боялась растерять свежие эмоции. А я подумала: вот Тарковский уезжает, он считает, что его не ценят в СССР, не признают. А как же Фейертаг? У него ведь скромная должность – лектор в Джаз клубе. Его в принципе тоже не очень признают. Но он выполняет свой долг – несет знания о джазе в массы. Он гнет

свою линию и, кажется, не собирается уезжать. Недавно видела его в темном длинном плаще на Пяти углах.

Вскорости в баре «Сайгон», что на углу Невского и Владимирского проспектов, я узнала про то, где можно купить отличные виниловые диски и про «квартирники» или «флэты». И я стала часто бывать на «квартирниках», где играли хороший рок, моя коллекция виниловых дисков быстро пополнялась. Один из любителей рока написал так: «Расцвел «Сайгон» – кафе на углу Невского и Владимирского – стал информационным тусовочным центром города. Милиция тоже, надо отметить, устраивала свои «концерты» в «Сайгоне»...» Хочу подчеркнуть еще одну важную миссию «Сайгона», почему-то о ней пишут мало. Это было интеллектуально знаковое место, мы были предтечей Ленинградского рок-клуба на Рубинштейна, мы подготовили его возникновение и становление. А то, что в центровом баре из-под полы продавали диски и шмотки (отсюда и интерес милиции), было делом второстепенным.

Как писал Коля Васин, большой знаток питерского рока, «в 1957 году на Россию упала американская, совершенно атомная бомба под названием РОК ЭНД РОЛЛ». К тому времени, как я приехала в Ленинград, в 1974 г. Битлз уже 10 лет безраздельно властвовал над умами молодежи. Но началось другое десятилетие и другой виток развития рока. В Питере стали появляться местные, русские рок-группы. Сначала они пели на английском, пели всё: Битлз, Роллингс,

Эмерсона. А потом группы стали петь на русском. Романтик Коля Васин трактовал это так: «В Железном Занавесе оказалось Окно в Европу, а напротив окна как раз Град Питер. Сквознячок и дунул. Нашлись в асфальтлэнде смелые ребята... Прямо из-под асфальта стали появляться невиданные цветы! То бишь группы с русскими названиями: Авангард, Аргонавты, Лира, Фламинго и др.» Мне повезло – я оказалась в Питере в самый бум питерского рока, его первой волны, его феерического начала. Как пишут музыкальные журналисты, первые русские рок-группы вовсе не были рахитичными, они так запели на английском, как будто это был их родной язык. Самопальные питерские группы стали оазисами в асфальтлэнде. Мы регулярно эти оазисы посещали, потому что они нужны были нам как воздух.

Помню, стою я в «Сайгоне», облокотившись о длинный стол, который идет вдоль Владимирского проспекта. Какой-то художник подходит ко мне, улыбаясь:

– Привет! Знаешь, на кого ты похожа? На решетку у Летнего сада. Хочешь, напишу твой портрет. Прямо здесь и сейчас, – предлагает парень, играя словами. Он находит повод познакомиться. Но я не знаю, радоваться этому или нет.

– Ну почему же, на решетку? – спрашиваю я, чтоб оттянуть момент ответа на предложение.

– В тебе есть готика и изысканность, и что-то причудливое, и что-то непростое, – говорит парень. – Ой, посмотри! Вон туда-туда! – восклицает художник и показывает мне на

парней в джинсах, с длинными волосами. Они пристраиваются за соседний стол пить кофе. По «Сайгону» проносится легкий вздох восхищения. – Это группа «Санкт-Петербург».

– Где будут играть? – спрашиваю я с придыханием.

– Подожди, сейчас будет известно, – отвечает художник. – Где-нибудь в пригородах, в каком-нибудь зачуханном ДК. Ну как обычно. В Токсово, Калгари, Сланцах...

Вопрос знакомства решается сам собой. Я не могу упустить концерт. А сейчас, вспоминая тот случай, я думаю: как странно, тогда в Ленинграде 70-х модной была группа «Санкт-Петербург», название казалось очень смелым. А сегодня в Санкт-Петербурге первых десятилетий нулевых бешено популярна рок-группировка «Ленинград». Мир изменился, и рок тоже изменился. Я в нулевые схожу с ума от группы «Resonance», которые исполняют рок на струнных инструментах, рок-музыканты играют вместе с симфоническим оркестром. Сказала бы я тогда об этом в «Сайгоне»! Меня бы перестали там принимать.

В 70-х я выбрала себе такой стиль одежды: кожаная юбка, кожаные украшения и прическа каре с немного подвитыми волосами. Да, я еще носила сильно начесанные и немного взлохмаченные волосы. Как все рокеры и приближенные к ним личности. Я увлекалась записями рок-конcertов на бо-бины и подолгу слушала их в своей комнате на Марата на магнитофоне «Весна». Это был момент высшей гармонии: дом на Марата – рок из магнитофона – и арка, в которую

был виден большой заманчивый город, сквер с хиппующими деревьями.

Благодаря моим усилиям по культурному самосовершенствованию, мне кажется, я изменилась в лучшую сторону – теперь я могла подолгу говорить о музыке, книгах и кино. Но для многих однокурсников я оставалась просто отличницей, и, может быть, даже «книжным червем».

О кафе и ресторанах. Если я скажу, что мы любили ходить в кафе и рестораны, когда были студентами, это значит, ничего не скажу. В кафе и ресторанах вообще проходила наша жизнь после лекций – там мы встречались, чтобы поболтать на общефилософские темы, назначали важные встречи и свидания, отмечали сдачу экзаменов, сессии, удачные статьи, брали интервью у героев наших репортажей. Имелось несколько знаковых мест встреч, которые были крайне популярны среди молодежи.

Первое кафе – «Сфинкс». Оно находилось в глубине Васильевского острова, почти на равном расстоянии от факультета журналистики и Академии художеств. Каменные сфинксы стояли на берегу Невы, деятели искусств считали их своим оберегом. Больше всего среди посетителей «Сфинкса» встречалось журналистов и художников. В кафе было всегда уютно, шумно. Играл меломан с известными музыкальными композициями. Завсегдатаи сравнивали это кафе с Клозери де Лиля, Ротондой и Бродячей Собакой. По-

эзо-вечеров здесь, правда, не устраивали, а вот небольшие выставки иногда бывали. Часто я наблюдала, как молодые Ван Гоги и Дюреры рисовали автопортреты или портреты красивых посетительниц кафе. Некоторые позеры делали это прямо на салфетках.

Однажды целый вечер в теплом, прокуренном зальчике кафе мы все вместе не сговариваясь слушали новый концерт Элтона Джона. Кельнерша Рая ругала нас за то, что мы курим «Фениксы», «Столичные» и даже «Лайки». Это были времена, когда выпить эспрессо с сигаретой в конце рабочего дня было любимейшим наслаждением и образом жизни. Рая концептуально была не против курения, она была против дешевого табака. Никто не знал, что девушка, которая сидела рядом со мной в таком же пестром шарфе как у Кирхнера и курила «Кент», была англичанкой, подругой детства Элтона Джона. Это было почти невероятно и слабо похоже на правду. Поэтому об этом мы с Джулией молчали, покуривая «Кент». Англичанка всех угостила сигаретами, которых в Питере было не достать. Джулия приехала стажироваться в наш университет, а познакомились мы в общежитии, на славной вечеринке.

Мы иногда приходили в «Сфинкс» впятером, мы сами называли себя «золотой пятеркой», нас было пятеро – девочек-медалисток: я, Ниночка Алпатова, Вита Дорошенко, Галя Фонарева и Ира Черноловская. Мы все очень старались друг перед другом блеснуть своими знаниями. И сами себя

называли интеллектуалками.

– Девочки, смею доложить вам, я недавно прочла Золя, – сказала Галя Фонарева. Она была миниатюрной девочкой в очках, настоящей отличницей. И говорила очень убедительно, с нажимом на слова. – Он написал: только через журналистику можно прийти к истинному, глубокому пониманию жизни.

Мы все сидели и восхищенно смотрели на Галю. Я хотела сказать: «Ух ты!». Но не сказала, потому что это было плебейское выражение, пятерка бы меня не одобрила. У нас были приняты такие выражения, как-то: «позвольте вам сказать», «смею вас уведомить», «премного благодарен», «честь имею» и др. Правильнее было бы выразиться, что мы старались себя так вести, но время от времени «скатывались» на привычный стиль общения. Все-таки ЛГУ им. А.А. Жданова не Кембридж. А мы были не аристократами, а разночинцами.

– Господа журналисты, – обратилась ко всем Ира Черноловская. – Один француз заметил: газеты – бордели мысли. Мы можем сейчас обсудить эту фразу.

– Чапа, – сказала Галя, обращаясь ко мне. – Озвучь эту фразу на семинаре профессору Смирнову. Он будет премного благодарен тебе.

Совсем забыла сообщить, Чапа – это была моя студенческая кличка. Я не помню, кто и когда меня назвал этим славным именем в первый раз, но в итоге так называл ме-

ня весь курс. Так вот, Галя пошутила про Смирнова, кроме того, она читала Золя, и все смотрели на нее с уважением. А мне очень хотелось продекламировать что-нибудь умное, какую-нибудь выдержку из великих, но ничего, как назло, не могла вспомнить. Закон подлости. И вдруг меня осенило! Я же на днях вместе с Дюком (тот самый в кожаной куртке из Джазового клуба) прошвырнулась по книжно-виниловому раскладу и купила диск Элтона Джона, диск Ролинг Стоунз и книгу Зигмунда Фрейда на английском языке. У нас в университете Фрейда не преподавали.

И я сказала громко, так, чтоб меня услышал весь богемный «пипл» в Сфинксе.

– Я вчера купила книгу Зигмунда Фрейда на английском языке, всю ночь читала, называется – Three Essays on the Theory of Sexuality.

Ставки мои в Сфинксе резко подскочили. Это был полный успех. Завсегдатаи оглянулись и внимательно, с интересом посмотрели на меня. Кое-кто даже предложил мне устроить в кафе громкую читку классика психоанализа, тем более что тема влияния сексуальности на творчество всех очень волновала.

Бар «Сайгон» был самым продвинутым в Питере. Туда я приходила не так часто, как в Сфинкс. Но в Сайгоне водились настоящие рок-музыканты, они всю давали концерты в андерграунде. Мне нравилось, что в Сайгоне человек ценился не по размеру кошелька (там такие разговоры даже

не возникали), не по внешности – в этом отношении рокеры очень демократичные люди. Здесь человека воспринимали только по его креативным качествам. Хотя нет, тогда такого слова не было – «креативность», скажем так – творчество, чувство стиля, общительность, умение проявлять свою личность – вот, что ценилось у сайгонской публики.

Был еще бар «Лягушатник» на Невском. В нем стояли удобные зеленые диванчики и зеленые лампы. Этот зеленый, болотный цвет делал кафе почти домашним, собирались здесь главным образом студенты питерских вузов. Мы с Залозей (Людой Залозиной) пришли в «Лягушатник» праздновать Экватор – середину студенческой жизни. Понятно, что это было посередине 3-го курса. Декабрь 1976 года. Мы заказали по бокалу шампанского и по мороженому.

Люда Залозина училась со мной в 4-й группе нашего журналистского факультета, она называла его «журавлиным». Люда была явлением, она была женщиной-девочкой. Ей как будто бы не хотелось взрослеть, хотелось всегда быть Лолитой или «травести». Она была создана для детской или молодежной печати, так мне казалось. Люда вела рукописную газету нашего курса под названием «Кровавая собака». Она умела подшутить и над однокурсниками, и над самой собой. Ироничность и романтизм как-то удачно в ней сочетались.

Так вот мы сидели с ней в Лягушатнике и праздновали Экватор. Я благодарила ее за то, что она всегда берет у меня интервью для своей «Кровавой собаки». И так однокурсни-

ки немного узнают обо мне, потому что я жила в стороне от них, в старом доме с аркой. У коренных ленинградцев была своя тусовка, у общежитских – своя. А мне нравились звуки музыки, вырывающиеся из магнитофона «Весна», погруженность в себя и приятное ощущение от того, что я лежу на своем диванчике прямо в центре советского мегаполиса.

Мы ели с Залозей мороженное. И мечтали о будущем. Мы всегда мечтали о выдающихся статьях, о необыкновенных людях, которые, как мы думали, обязательно должны встретиться нам на пути. Мы хотели, чтоб о наших статьях говорили, чтоб они изменили жизнь к лучшему. Всем нам хотелось остаться в истории. Думаю, курс у нас был достаточно амбициозный.

– Я открою тебе секрет, Залозя, – сказала я заговорщически. – На зимних каникулах мне предстоит просто уникальная поездка. Ни у кого из нашего курса не было такого...

– Да-а? – обрадовалась Залозя. – Что же это может быть? Ну, хотя бы намекни. Сгораю от любопытства.

– Я использую метод дяди Гиляя, Гиляровского, – наметнула я.

– Ага-а, – протянула однокурсница. – Что же это может быть? Будешь работать официанткой в каком-нибудь кафе, в бане – банщицей, в театре – актрисой. Слушай, ну не знаю.

– Нет, ты не догадаешься, – продолжала я интриговать однокурсницу. – Ладно, скажу. Я хочу перевоплотиться в шофера-дальнобойщика, буду ехать примерно 8 дней до БАМа

и обратно, со своим напарником по трассе АЯМ. До Тынды и обратно.

– Супер! – воскликнула Залозя. – Ты, Чапа, просто звезда! Весь курс будет в восторге!

Залозя, как мне кажется, пребывала в предвкушении, что она будет первой, кто поведаст это курсу. Глаза у нее, наверное, блестели. Но этого я видеть не могла, потому что Люда всегда ходила в черных очках. Я, правда, немного преувеличила – наверное, пафосность момента к этому располагала, плюс шампанское было слишком игристым. Но преувеличила я только один момент – то, что я перевоплотюсь в дальнотойщика, конечно, я бы не смогла вести огромную машину, но все остальное было полной правдой.

На зимних каникулах я отправилась в путь из Якутска на машине ЗИЛ-130 вместе со знаменитым в Якутии шофером Виктором Феофановичем Паутовым. Да, я сидела с ним рядом в кабине. Главное, я на себе испытала, что значит труд шофера на Крайнем Севере. Каково это – вести непослушную огромную машину среди безмолвных снегов, жутких морозов, туманов и льда. Я оценила вес фразы – мужественная профессия. Сидя на своем диване, никогда не осознаешь смысл этого словосочетания. Мой путевой очерк назывался одним словом – «Дорога».

Маршрут был длиной 1200 километров, сроком – 8 дней. Паутов посвятил этот рейс Всесоюзному съезду отраслевых профсоюзов в Москве, на который был избран делегатом от

Якутии. Паутов записал на свой счет миллион тонна-километров. Его называли «советским миллионером». Мы тогда жили такими понятиями и такими категориями. Паутов сообщил мне, что 19 декабря 1976 г. видел первый торговый поезд на якутской земле, на станции Нагорная.

Когда я вернулась в Питер, в феврале 1977 г. я дала Залозе эксклюзивное интервью для ее лирико-иронического еженедельника «Кровавая собака», как и обещала. Этот номер у меня сохранился. Статья называется «Чапа на БАМе». В ней описывается, как мы с Паутовым варили на примусе пельмени, прямо у него в кабине, как мы с Виктором Феофановичем отправились искать столовую в поселке Нагорный, что была «где-то рядом с железнодорожным полотном», но она оказалась очень далеко. Я была без рукавиц, в легкой шапочке, жадно снимала все на кинокамеру и когда мы добрались до столовой, оказалось, что я и уши, и руки, и лицо обморозила. Свой фильм я потом показала однокурсникам. БАМ я тогда видела только из окон ЗИЛ-130. Но был в моей студенческой судьбе и настоящий БАМ.

Заканчивая эту главу про кафе и рестораны, не могу не отметить, что мы еще очень любили Чебуречные. Была у нас одна такая – прямо рядом с метро Василеостровская. Иногда мы заруливали в Рюмочные, которые всегда располагались в каких-то подвальчиках. Рюмочные, конечно, предпочитали парни. Любили посидеть в хорошем баре какой-нибудь гостиницы, например, гостиницы «Выборгская», где обитали

и финны, и шведы. «Коктейль-холла» у нас в Питере не имелось, у нас был «Сайгон» – не хуже. Знамением времени были не стилиаги, джаз уже почти признали, знамением времени стали рокеры. И БАМ тоже стал символом поколения 70-х.

О БАМе и ССО «Высота». Летом 1977 г. я впервые стала бойцом Студенческого строительного отряда – это был ССО «Высота», из Оренбургского политехнического института. Местом дислокации ССО был 208-й километр Байкало-Амурской магистрали, прославленный Гилюйский мост.

Впрочем, все по порядку. Сначала я приехала в Тынду, в газету «БАМ». Тогда, в 70-х это был поселок, состоящий из временного жилья. Редакция располагалась в небольшом вагончике, все печатали на больших печатных машинках. У меня даже места своего не было. Я обрадовалась, когда меня послали работать в ССО «Высота», писать репортажи с места событий. Тем летом сдавали в эксплуатацию этот мост. Из Тынды студентов, меня вместе с ними и провиант подкинули на 208-й км. Парни отстроили у реки барак, над входом написали «Hotel Свежесть. Одноместных номеров нет». Соорудили столовую, написали «Кафе «Таежные встречи». Нам с Альмирой построили свой маленький домик. Альмира была потрясающая красавица, она тоже была родом из Оренбурга, единственная девчонка в отряде. Мы с ней здорово зажили вместе.

Взяли в отряд еще шофера Ивана Ивановича, мужчину

лет сорока, с рыжей бородой. «Никогда в жизни не был бойцом ССО», – признался Иван Иванович. Образование у него было пять классов, исколесил он пол-Союза: и охотником, и плотником, и старателем – кем только ни был. Женат был четыре раза и намеревался еще раз попытать счастья. У парней пользовался большим авторитетом. По вечерам он запирался с парнями в бараке и рассказывал им какие-то истории, которые нам с Альмирой запрещалось слушать. Но мы тоже не скучали – болтали, включали музыку. Иногда выходили прошвырнуться по таежному Арбату.

Вечера в июле были чудные. Спал Гилюй, прогретый за день, теплый. Смирно омывал железнодорожные откосы, прямо не верилось, что днем бил упруго в дамбу, которую мы строили и был все время чем-то не доволен. Вечером в тайге тишина была особая – состоящая из тысячи звуков. Из пощелкиваний и стрекотаний кузнечиков, из живого плеска речки, из шуршания листьев, из сухого звука, который издавали какие-то ночные птицы, ударяясь крыльями о ветки, из чьих-то мягких шагов – не то человеческих, не то звериных. И все это вместе называлось тишиной. Никому в голову не приходило раскладывать эту тишину на звуки. Обычно говорили: «Послушайте, как тихо...» А зачем слушать, если тихо?! Неумолкающая звенящая тишина. Если вам кто-то скажет, что так не бывает, посоветуйте ему поехать в Сибирь, в тайгу.

Дядя Ваня еще гадал на бобах. Как-то он нагадал непого-

ду, всеобщую тоску. На следующий день (в середине июля!) выпал снег. Гиллюй резко вышел из берегов, и мы всем отрядом перебрались жить на мост. Романтика просто зашкаливала.

Потом Гиллюй послушно вошел в берега, и лето вновь вступило в свои июльские права. Вообще-то мы без усталости работали, целыми световыми днями. Парни укрепляли левый берег реки, делали дамбу. Мы с Альмирой старались их прокормить. Мы кормили мостовиков четыре раза в день, и поздно вечером падали от усталости на свои кровати. Иногда вечером мы жгли костры, которые озаряли своим языческим светом и тайгу, и темную гладь реки. Мы играли на гитарах. Я тоже играла, это был период расцвета моего музыкального творчества.

До сих пор у меня на стене в родительской квартире висит фото – я в зеленой куртке с капюшоном, на которой написано БАМ, у меня длинные нестриженные волосы, я без всякой косметики – мы не пользовались ею в тайге – и с гитарой. На этом фото я – с одной стороны, настоящий мостовик, с другой стороны, таежная Рената Тарраго.

Иногда к нам на костры приходили шофера их мехколонны, ковбои с огромных оранжевых «Магирусов». Они трудились за несколько километров от нас, на карьере. Им было скучновато – уже год они жили в маленьком поселке Сивачкан, одни, без жен и детей, по несколько раз крутили одни и те же фильмы. По субботам устраивались дружеские фут-

больные матчи «Сивачкан – Высота». Иван Иванович был за судью.

– Все бы х-орошо, – отметил он как-то, – жить и жить бы в эхтом вашем ССО, вот только комарей здесь много – в бородище путаются.

Из развлечений у нас в отряде еще была баня, обычно по пятницам. «Значит, так, славяне, – говорил командир ССО, он же истопник, – по пятницам будем мыться: с паром, с венниками, с чаем. Алкоголь отменяется. Баня – священное русское дело. А баня в тайге – это высшее наслаждение, не будем его ничем осквернять».

Осенью мы сдали мост, без всяких замечаний. Это был прорыв, настоящий трудовой подвиг. Но подвигами жил весь БАМ. Репортажи в газету «БАМ» я писала регулярно. Они были деловые, конкретные. А в конце лета я рискнула и отправила свой очерк в газету «Комсомольская правда». Назвала материал просто – «Ребята с 208-го километра». Очерк был более лиричным, в нем было все – и доблестный труд, и таежные зори над рекой, и слушание тишины в тайге, и откровения Ивана Ивановича. И, конечно, вера в победу – в то, что мы построим железную дорогу, протянем ее до Транссиба. Мою статью опубликовали в «Комсомольской правде».

О листопаде в Ленинграде. Я вернулась в Ленинград из тайги, когда повсюду висели таблички «Осторожно, листопад!». И разумеется, поздние осенние дожди, объявленные

как кратковременные, шли и шли целыми сутками. К листопаду я отнеслась осторожно: тихо ступала по паласу листьев в Летнем саду, в нем фонтаны были уже сухие, собрала букетик желтых листьев и отнесла их к себе на Марата.

– А тебе что-то грустно, – отметила Елена Николаевна.

Е.Н. обладала проницательностью. Ей достаточно было всего раз взглянуть на человека, и она быстро и легко определяла его характер. Насчет женихов своей дочери, Любочки она вообще никогда не ошибалась. «Гони в шею этого Жерара Филиппа, – говорила она про какого-нибудь пижона, который ухаживал за дочерью. – Толку не будет». Люба сначала сопротивлялась, но в итоге расставалась с пижоном.

На предмет моей грусти Е.Н. удалось попасть в точку. Особая печаль надолго свила гнездышко в моем сердце. Я не знала, как мне поступить. Я скучала по тайге, по Тынде, по этому необычному чувству сопричастности к большому героическому делу, частью которого ты являешься. Мне нравилось быть летописцем эпохи. Помню, что очень многие на факультете поздравили меня с публикацией в «Комсомольской правде».

Здесь, на Марата мне было хорошо: я готовилась к лекциям, слушала рок, разучивала пассажи на своей гитаре, наблюдала жизнь в окно, через арку. Но при этом мне казалось, что я мало делаю для повышения своего журналистского профессионализма. А для этого мне надо ехать на БАМ, в тайгу, потому что только там можно встретить настоящую

жизнь и настоящих героев нашего времени. Несколько раз я даже подумывала все бросить и рвануть по рельсам и шпалам.

Вскорости, впрочем, я познакомилась с новыми людьми, и они частично залечили мои душевные раны. Мою новую подругу звали Каталин Киш – она приехала стажироваться из Будапештского университета, а нового друга звали Таито, он был бакалавром искусств из Хельсинского университета. Родители Киш когда-то учились в России, они тоже были журналистами, отец всю жизнь проработал на Венгерском радио. Позже, уже после окончания ЛГУ я побывала в Будапеште и мне составляло необыкновенное удовольствие пить кофе с отцом Каталин в их квартире напротив Венгерского парламента, как две капли воды похожего на Лондонский парламент. Мы говорили, кстати, о проблеме поиска «настоящих героев», и пришли к выводу, что их можно найти везде, даже в соседней булочной.

Впрочем, даже сейчас, 40 лет спустя после окончания ЛГУ я уверена, что может быть два пути: ты отправляешься за своим героем далеко, в совершенно неизведанные и экзотические места, и второе – ищешь его на улицах своего города. И тот, и другой путь правильный. Все зависит от ракурса взгляда.

Таито был сыном советского военнопленного. Он почти ничего не знал о своем отце, никогда в жизни не видел его. Таито рассказал: полк военнопленных разместился в

маленьком финском городке. Мать Таито присматривала за больными. Ей было восемнадцать лет, ее звали Кристиной. Она совсем не знала русского, он – финского. Они провели вместе всего несколько дней. Потом полк военнопленных неожиданно угнали дальше. Кристина не успела попрощаться с любимым, не записала его адреса. От русского у нее ничего не осталось – конечно, кроме Таито. Женщина ждала его всю жизнь, но чуда не произошло – возможно, русского вскорости убили. Таито был уверен, что его отец – ленинградец.

9 мая, в День Победы мы втроем – я, Таито и Каталин – отправились на Пискаревское кладбище. Таито читал надписи на каждой могиле. Сделать это было нелегко – людей на Пискаревском было огромное количество. Поистине это было настоящее паломничество – слезы, поцелуи, встречи через десятилетия.

Вечером мы выпили бутылку шампанского. В студенческом общежитии, что находилось напротив Петропавловской крепости, на Мытнинской набережной, мы смотрели салют. Окна выходили на Неву. Каталин отсчитывала удары пушек, ее рука с шампанским немного дрожала. И вот когда прогремел и разлился по небу 33-й «букет Победы», ясно осветивший, и Неву, и Петропавловку, и Стрелку мы все втроем обнялись и поцеловались.

Нейтральные периоды жизни, без особых эмоциональных перегрузок и любовных тревог, полезны в плане накопления

знаний. Меня увлекало и интересовало все. Иммануил Кант, Жорж Санд, Гийом Аполлинер, Грэхэм Грин, Артур Шопенгауэр. Их интеллектуальное партнерство меня устраивало. Кое в чем они друг друга исключали, но связующим звеном между ними была я как личность.

Об однокурсниках. Настал момент сказать о моих однокурсниках. Помимо общения с членами «золотой пятерки», я еще довольно много времени посвящала своей однокурснице Ире Лукьяновой и членам 4-й группы нашего «журавлиного факультета». Про них и хочется сказать несколько теплых слов.

Ирка Лукьянова была родом с Крыма – земли, о которой я мечтала всю жизнь, я – с Крайнего Севера. И мы сошлись, лед и пламень. Я – немножко «замороженная» в своих эмоциях, часто сдержанная в проявлении чувств и Ирка – целый фейерверк южных страстей. Мы называли друг друга «стилистами». Это было очень почетно иметь статус стилиста. Тем самым мы подчеркивали свою исключительность – ведь мы не просто «студентусы», мы владеем инструментами формирования точных выражений, языковых формул. Вот, например, мы придумали всех наших однокурсников классифицировать по неким группам. Помню, у нас была «Колея боевых подруг». Попасть в нее было очень почетно – надо было сделать нечто выдающееся. Посему, когда 40 лет спустя, в 2020 г. мне позвонила Люда Мишина, тоже наша одно-

курсница и представилась как член Колеи боевых подруг, я очень обрадовалась, хотя никак не могла вспомнить, что же она такое совершила в студенчестве. Но просто так туда однокурсники не попадали. Была у нас Колея позора. Помню, в ней почти постоянно находился Коля Сытый. Что же он такое сделал? Не помню, все же 40 лет прошло. Скорее всего, потому, что перманентно подсмеивался над нами с Ирккой.

Ирка называла себя Нансеном, а я себя – Амундсеном. Мы считали, что наша стезя – путешествия, открытие новых земель. Мы мечтали о длительных необычных путешествиях, со многими поворотами судьбы, препятствиями и их успешным преодолением. Даже в людных местах, в которых мы бывали, мы называли друг друга Нансен и Амундсен. Мы постоянно писали друг другу письма и подавали телеграммы. Тексты были странными, что-то типа «грузите апельсины бочками тчк» или – «маяковский завтра умрет. маяковский». В письмах и телеграммах мы оттачивали стиль.

Наша 4-я группа была дружной. Про Наташу Сеину, Людду Залозину, Ниночку Алпатову я уже рассказала. Комсоргом курса была Люба Васильева, из нашей группы. Любка была такой домашней, созданной для семьи. А на самом деле на 1 курсе она развелась с мужем-рабочим, углубилась в общественную работу и настроилась на карьеру. Был еще Андрей Бурдыкин. Он напоминал лохматого барда и всегда был рыцарем по отношению к девчонкам. Андрей на курсе был знаменит тем, что писал рецензии на кино. Он был точен

и оригинален в своем анализе. Преподаватели от него были просто в восторге, особенно женщины в возрасте. Андрей был настоящим стилистом. Надо было для него придумать какую-то свою колею, какую-нибудь Колею рыцарей благородного образа. Ленка Плюйко была женственной, мудрой, свои таланты не выставляла на показ, всегда писала что-то для себя, расценивая творчество как путь познания души.

А еще были такие личности как Оля Данилова и Вова Беляев. Оля была маленькой хорошенькой девочкой. Какое-то время мы даже жили вместе с ней на Марата. Я называла ее «Человек». Вовка был крупным парнем, Ольга с Вовкой вместе смотрелись очень пикантно. Они вроде бы не подходили друг другу даже в духовном плане: Вова был жестким, ироничным, из однокурсников ему мало кто нравился. Ольга была доброй и мягкой. Но исходя из правила, что противоположности притягиваются, Ольга и Вова все же поженились на V курсе и вместе уехали жить в Мурманск, на родину Вовы.

На курсе у нас кроме Даниловой и Беляева, были еще красивые пары: Генка Матвеев и Неля Дакова – они уехали на родину к Неле в Болгарию, Алла Шаткова и Кирилл Набутов – они остались в Ленинграде.

– Ну что, публицисты?! – говорил Кирилл Набутов, густым голосом, обращаясь к однокурсникам, и слегка подсмеивался над ними, потому что они ругались и толкались в буфете. Как говорится, журналистика журналистикой, а ку-

шать хочется всегда. Но Кирилл говорил это беззлобно. Он заходил в буфет выпить тройной питерский кофе из обкусанных чашечек и поболтать с коллегами.

У Кирилла и Аллы, когда мы были еще студентами, родился сын. Кирилл зашел в буфет, чтобы выпить кофе, потому что это было священнодействием и сказал громко, чтобы его все слышали:

– Я назову сына Олдингтоном!

Это, конечно, был приколы. Ему, наверное, все надоели с вопросами. Но все равно он был рад, что его поздравляют. Весь курс знал, что Кирилл – сын знаменитого питерского спортивного обозревателя Виктора Набутова, друга Николая Озерова, но Кирилл вел себя просто, общался со всеми, даже с нашими местными «алкашами», которые были убеждены, что алкоголь – неперемный спутник профессии. Таким же целеустремленным в плане продвижения карьеры, правда, уже без бэкграунда был Игорь Мосин. Когда мы были еще «зелеными студентами», он все время пропадал в Москве, в газете «Известия». Игорь не тратил времени зря – он был настоящим репортером, всегда подтянутым, мобильным, преданным делу. Такое ощущение, что у него в нескольких местах комнаты был прикреплен лозунг «Ни дня без строчки!» – он напоминал ему, что нельзя расслабляться.

Официального статуса «душа курса» у нас не имелось, но на одной из наших вечеринок, уже после окончания ЛГУ им. А.А. Жданова мы решили – и никто даже не оспаривал это-

го решения, что душой курса была, есть и будет Нонна Корженкова. Я часто бывала у нее в коммуналке, не так далеко от Витебского вокзала. Нонна меня часто успокаивала и настраивала на хороший лад. Она понимала и выслушивала всех, это было какое-то всехристианское прощение. Она всем помогала, как могла. Нонна никому не завидовала, ибо она считала зависть участью слабых. У Нонны было призвание – любить людей.

В «Кровавой собаке» от 18-25 июля 1978 г. я прочла репортаж дня под названием «Возвращение Чапы». В репортаже Залозья рассказывает, как я собиралась на практику и пригласила всех к себе в гости, на Марата. «Чапа сказала: приглашаю всех! Кто может! И кто хочет! И с кем угодно! Только предупреждаю: гитары у меня сейчас нет.

Всем известно, что Чапа – первоклассная гитаристка.

Мы вздохнули (с облегчением). И вечером все, кто мог, кто хотел и с кем угодно – Любань со случайно приехавшим в Ленинград одноклассником, я со случайно встретившимся на факультете новопутейцем Н.Д. Минкиным, Андре и Сашка – с вечным абитуриентом неудачником Сережей Тучкиным – явились в семь часов на Марата.

Чапа сияла. Она даже достала откуда-то гитару и играла...

В этот вечер мы впервые увидели Чапину маму»

Дальше описывается, что мы славно посидели и попили, проводили меня в дорогу. Я ехала на практику в газету «Комсомольская правда». Я не помню ни новопутейца, ни

абитуриента-неудачника, ни прочих личностей, которые забрели ко мне в гости. Я помню только белую ночь, заглядывающую в окно. Помню Наташку Сеину и Андре, которые сидели, обнявшись на подоконнике. И чуть не упали в окно. А, может, это было на другой вечеринке. У меня ведь их столько было – вечеринок юности!

О преддипломной практике. Редакция газеты «Комсомольская правда» находилась на 6-м этаже здания Дома печати в Москве, по Старому Петрово-Разумовскому проезду. По поводу этого самого 6-го этажа было много шуток и пародий. Мне нравятся такие строки: «И дом родной. И наш кураж. Шестой этаж... Шестой этаж...»

После того, как летом 1977 г. в «Комсомольской правде» вышел мой репортаж с Всесоюзной ударной комсомольской стройки БАМ «Ребята с 208 километра», я стала частым гостем на 6-м этаже. Я стала активным внештатным корреспондентом «Комсомолки». Помню всех журналистов известнейшей российской газеты, которые давали мне наставления в ремесле. Первым учителем в практической журналистике стала заведующая отделом студенческой молодежи «Комсомольской правды» Людмила Семина. Это она с самого начала заметила во мне некую искру творчества и решила «разжечь благодатный огонь». Перечислю имена журналистов, с которыми я общалась и сотрудничала, приходя в газету. Все эти имена овеяны легендами, а для меня они

были просто старшими товарищами, с которыми я летала в командировки, продумывала «ударные концовки» и «увлекательные фабулы» для статей, ходила на летучки. Это были: Элла Щербаненко, Юрий Щекочихин, Леонид Загальский, Леонид Репин, Михаил Хромаков, Василий Михайлович Песков.

Помню, писала Курсовую работу по теме «Роль интуиции в творчестве журналиста В.М. Пескова». В Питере, на факультете мне все завидовали, что я могу вот так запросто брать интервью у Василия Михайловича Пескова, что могу с ним пить кофе на 6-м этаже в редакции и неформально общаться. Песков был невероятно популярен в СССР, он был невысоким мужичком в кепке, самоучкой, все знали, что он родом из деревни. Он сам научился писать и делать фотографии. Был предан журналистике как фанат. Для нас, студентов Песков представлялся полубогом.

Мы уважали наших преподавателей, они учили нас определениям и классификациям. Были и такие, кто удачно объединял в себе теорию и практику журналистики – например, Алексей Яковлевич Гребенщиков. Он был блокадником, работал корреспондентом «Комсомольской правды», заместителем редактора «Ленинградской правды». Увы, из газет Гребенщикова периодически выгоняли за пристрастие к алкоголю. Но вот на нашем факультете он прижился. Студенческий люд его любил – обычно Гребенщиков, тощий, длинный, одетый всегда в хороший костюм, но как правило,

крепко поддатый, сидел в центре аудитории на стуле, прямо за доской. Речь его лилась свободно, он снабжал ее прибаутками, случаями из жизни. Речь его была умной, насыщенной цитатами, информативной. После лекции он, как правило, отправлялся в рюмочную. Как говорится, пил, но дело свое знал.

И все же, повторю еще раз: журналистику как ремесло надо постигать в поле. Когда я ехала на преддипломную практику в Москву, в «Комсомольскую правду», я радовалась прежде всего тому, что увижу Михаила Хромакова. Он был моим кумиром – подтянутый как стрела, мобильный, всегда занятый делами. Он писал эмоционально и страстно, ничего не боясь. Ритм огромного мегаполиса был его ритмом, он жил в унисон Москве. Это была любовь ученицы к своему учителю, но она была приправлена еще и другим чувством, глубоко спрятанным от чужих глаз – мне в глубине души хотелось, чтоб мой мужчина, которого я обязательно встречу, будет похож на Хромакова. Хромаков был живой иллюстрацией к книге Зигмунда Фрейда «Три эссе о теории сексуальности», у него было все нормально и с сексуальностью, и с творчеством, и с взаимовлиянием одного на другое, то есть с сублимацией.

Мы с Михаилом сидели в отличном буфете «Комсомольской правды», в котором и черная икра, и красная рыба, и шпроты и прочие деликатесы советского времени водились и говорили об ударных комсомольских стройках и музыке.

Кажется, эти темы нас двоих объединяли.

– Вот, знаешь, Ира, мне как и тебе нравится дух больших строек, – говорил Михаил. – Вроде в Москве драйва хватает. Но стройки, они дают другой драйв – веру в то, что ты сам можешь что-то построить. Целый город можешь сам построить, с нуля. Улицы назвать именами друзей-первооткрывателей. У нас, в отделе студенческой молодежи в 1975 году родилась мысль переименовать г. Гжатск, где появился на свет первый космонавт, в г. Гагарин. Мы решили перестроить этот город. Нас поддержал Центральный штаб ССО. Я там дневал и ночевал, в Гагарине. Меня называли «дублером» мэра этого города. Книгу с фотографиями про Гагарин сделал, прямо как Вася Песков, большой знаток собственной интуиции. Ладно, расскажи про питерский рок, – просит Хромаков.

Я рассказываю. Про наши посиделки, про новые диски.

– Я скоро здесь, в Москве создам свою рок-лабораторию, – говорит Хромаков и смотрит на меня смеющимися глазами, из-под модных очков. Мы быстро допиваем кофе и уходим на закрытый просмотр фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Просмотр идет без купюр, переводчик даже переводит ненормативную лексику. В СССР такое можно было увидеть только в андерграунде, а я смотрю в центре Москвы, в «Комсомолке». Потом бредем домой по вечерней Москве, я пытаюсь расколоть Хромакова по поводу того, когда и где он создаст рок-лабораторию, но он молчит.

Тогда, в преддипломную практику я написала несколько статей. Но снова была такая, которая прославила меня, и все мои именитые учителя похвалили меня за нее. Мне удалось открыть новое имя в живописи – художника Константина Васильева. Для этого я съездила в командировку в село Васильево, что рядом с г. Казань Татарской АССР. Я познакомилась с матерью художника Клавдией Парменовной. Женщина рассказала мне: у ее сына не было славы, титулов, ни одной большой выставки при жизни, ни одной хвалебной статьи о его творчестве, но она знала, чувствовала сердцем – он настоящий художник.

И мать дождалась и не ошиблась – Костина звезда зажглась на российском небосклоне и в полную меру засветила людям. Звезда зажглась с опозданием – спустя два года после трагической смерти гениального художника. Люди в округе, далеко за пределами села Васильево по всему Татарстану, а потом уже и в обеих русских столицах стали восторженным полупшепотом рассказывать: в одном татарском селе, в обычном деревенском доме стоят 400 картин, а может даже и больше, картины красоты необыкновенной, нигде таких нет. Говорят, даже Василий Шукшин интересовался творчеством самобытного художника, мечтал, чтоб он написал его портрет, но не успел. И люди, особенно коллекционеры живописи устремились в село.

Мне надо было торопиться – картины могли украсть. Деревенские жители очень доверчивы, они могли продать ше-

девры за бесценнок или вообще раздарить. Я отправилась сначала в Казань, встретила там с друзьями Константина Васильева А. Прониным и другими, а потом с искусствоведами поехала в село.

Клавдия Парменовна встретила нас приветливо и рассказала кратко о сыне. Биография его была не очень насыщенной – насыщенными были последние 15 лет работы. Костя начал с интерната им. Репина, куда он поступил двенадцатилетним мальчиком. Подросток искренне и с обожанием влюбился в Сальвадора Дали, одного его признавая могучим талантом. Формальные поиски и академизм в живописи его не интересовали. Картину К. Васильева «Искушение Святого Антония» мне показал в Казани А. Пронин. Причем, Пронин долго не хотел демонстрировать картину, боясь, что я сочту ее подражательской. Он оправдывался: «Костя написал картину в тупиковый период, не в московский, а гораздо позже – в казанский, когда уходил от формальных поисков – в себя». «Да нет, «Искушение» написано смело и своеобразно», – возразила я Пронину.

Когда умер отец Кости и серьезно заболела сестра, Костя вернулся из Москвы в деревню. Позже Константину удалось вернуться к учебе – он закончил Казанское художественное училище. Студентом увлекался абстракционизмом, кубизмом, аппликацией. «Музыка ресниц», «Скрипка губ», «Икона памяти» – названия его аппликаций, составленных из фотографий. Закончив училище, Васильев приехал домой, к

матери. Вместо мастерской – маленькая комнатка с печкой. Днем Константин работал художником-оформителем на заводе, ночью – писал свои произведения.

Я вспомнила, как в Сфинксе один «гений» говорил другому «гению»: «Главное – иметь просторную мастерскую с видом на Неву, тогда я точно напишу что-нибудь знаменитое, но по крайней мере обо мне все будут говорить». А у Константина была тесная комната с печуркой и наушники, в которые он слушал классическую музыку, в частности, Вагнера. И больше – ничего. О славе он не помышлял. Ему надо было успеть написать все, что задумал. И он написал: картины на славянские сюжеты, посвященные Дунаю Ивановичу, Ваське Буслаеву, Садко, Илье Муромцу, и из Кольца Нибелунгов – Вотану, Зигфриду. Краски насыщенные, очень яркие, мне показалось, как у Рериха: синий, голубой, сиреневый, изумрудный. По философии, я думаю, это русский космизм – вера в безграничную силу души человека и ее связь через традиции с Вселенной. Как рассказала Клавдия Парменовна, один раз за ночь Константин создал картину «Жница» и повесил ее над постелью матери. На картине девушка-славянка с голубыми глазами глубже речки Свияги, что протекает за деревней...

После моей статьи в «Комсомольской правде» про художника Васильева узнала вся Россия, его картины забрали в музей в Москву, он стал выставляться. Пробегая по лестнице на 6-й этаж, вечно занятый Хромаков крикнул мне на лету:

«Отличная статья! Ты научилась отличать настоящие картины от подделок. Выпьем как-нибудь кофе и поговорим, что такое кракелюр...»

О выборе дальнейшего пути. В конце V курса папа прилетел в Ленинград, он пригласил меня в ресторан на Невском – кажется, это был «Кавказский», и папа держал речь. Он заявил, что я училась в прекрасном городе, получила отличный диплом, а тем временем БАМ построили – Тынду, Нагорный, Золотинку, Куанду и другие станции. Конечно, моей вины в этом нет – в том, что я не принимала участия в итоговом строительстве, так распорядилась судьба. Зато теперь начали строить Малый БАМ, от Тынды через Беркакит, Нерюнгри до Томмота. Уже по территории Якутии, по вечной мерзлоте. И пришло время мне отработать свой диплом, и деньги, затраченные на меня государством и стать корреспондентом газеты «Индустрия Севера», в г. Нерюнгри. Меня там ждут.

– А до Якутска? Дотянут ли железную дорогу до Якутска?– спросила я и заплакала.

Я заплакала, потому что я ждала этих слов. Мне хотелось, чтоб мой труд пригодился в какой-нибудь газете на магистрали века, на моем БАМе. Папа привез мне хорошую весть – меня готовы принять в газете «Индустрия Севера».

40 лет спустя. Нас, «журавлят» раскидало по огромным просторам России – разлетелись мы, свили новые гнезда. Да, тогда, в Ленинграде 70-х мы были молоды и амбициозны. Мы были искренне влюблены в журналистику, в лучшую из профессий. Жизнь, конечно, кое-что поменяла, подкорректировала планы. Но, я думаю, даже те, кто ушел из профессии, в душе остался верен делу, выбранному в юности.

Мои однокурсники многого добились в жизни и в профессии, и я горжусь ими. Володя Беляев и Оля Данилова создали крепкую семью и навсегда остались жить в Мурманске. Сегодня Володя работает первым заместителем редактора газеты «Мурманский вестник», Ольга руководит отделом рекламы областной Филармонии. Залозя всю свою творческую жизнь посвятила детской газете «Ленинские искры» – 29 лет. Настоящий мэтр детской и молодежной печати, одна запись в трудовой книжке. После перестройки «Ленинские искры» переименовались в «Пять углов». Журналистика проникла во все сферы залозинской жизни: муж и дочь тоже отдали должное этой требовательной и капризной даме – журналистике. Дочь Залози закончила наш факультет, потом работала в изданиях Санкт-Петербурга и Праги, а сейчас преподает в Карловом университете.

Иринка Семенюта, моя первая подружка в городе на Неве, сразу после окончания вуза отправилась по распределению в г. Красноярск, в газету «Красноярский комсомолец» и проработала там 10 лет. «Красноярский комсомолец» был ле-

гендарной газетой, в ней творил когда-то Валентин Распутин, в газете всегда отмечался высокий градус духовной и творческой жизни. Ира Семенюта решила, что если не поедет по распределению, смалодушничает, то пропустит нечто ценное в жизни – то, что может произойти только в Сибири. И в этом смысле мы с Ирккой похожи. Мы, как журналисты, хотели находиться в эпицентре событий, в краях великих строек. Совсем недавно, в период жизни, который я называю «40 лет спустя», Иринка Семенюта отправила мне почитать свой очерк, посвященный легендарному редактору газеты «Красноярский комсомолец» Л. Батынской, с которой ей посчастливилось работать, и которая дала ей первые уроки практической журналистики. Мне понравилось название очерка – «Еще бы день один, и год, и жизнь...» Вот Ирина трактовка этой философской фразы, принадлежащей, впрочем, Батынской – но под ней, наверное, мог бы подписаться любой журналист: мы пишем наши статьи, репортажи, очерки и повторяем про себя «еще бы день один...» Времени катастрофически не хватает, чтобы претворить в жизнь творческие планы. Поэтому так и хочется добавить: «еще бы год один... еще бы жизнь!»

И говоря эти слова, мы точно раздвигаем границы времени и пространства, и входим в другое измерение, в другую Вселенную, и нашими единомышленниками и попутчиками могут стать люди, жившие за много веков до нас. И мы с ними оказываемся в одном портале или в одной колее. Можно

тут встретить Омар Хаяма, который сказал: «У меня тоже бывали моменты, когда мне хотелось остановить время...» Можно встретить американского писателя Делмора Шварца, который рассуждал: «Что такое время? Это и школа, в которой мы учимся, но это и пламя, в котором мы сгораем...» А можно в почетной Колее великих единомышленников обнаружить нашего современника Харуки Мураками, он тоже мучается над проблемой времени: «Время вообще движется? Еще как движется! Прошлое растет, а будущее сокращается».

Сегодня Иринка уже на пенсии, живет в станице под Ростовом-на-Дону, шьет из бархата сумочки на фермуаре, занимается вышивкой по высокой моде, возделывает сад и иногда посвящает время писательству. У нас интересный курс – писательством занимаются почти все. Нансен бы, наверное, проанализировав сей факт, захотела бы создать Колею писателей-однокурсников. Но не стилистов, нет – стилистами мы были только в юности! Сейчас мы по-другому видим течение времени и себя в его водовороте.

Мои подружки юности, члены Золотой колеи Галя Фонарева (Щербо) и Ниночка Алпатова стали очень популярными журналистами, каждая в своем регионе. Галя Щербо долгое время проработала собственным корреспондентом журнала «Эксперт» в Нижнем Новгороде. Премию за цикл выдающихся статей она получила из рук самого мэра Нижнего Новгорода. В крупнейшем российском городе, каковым

является Нижний, принято ежегодно подсчитывать рейтинг влияния нижегородских журналистов на политиков региона и на бизнес-элигу. Я была приятно удивлена, узнав, что Галина входит в десятку самых влиятельных журналистов Нижнего Новгорода.

О Ниночке Алпатовой пишут, что она – легенда самарской журналистики. Стала Лауреатом профессиональной премии «Золотое перо». Работала редактором отдела социальной политики газеты «Самарские известия». Ее зарисовки, очерки о простых людях были опубликованы на сайте «The best of world», что выходит в Коста Рике. Вроде в этом нет ничего особенного. Просто закон действия социальных сетей, в которых всегда фильтруется эксклюзивная информация. Коста Рике интересно, как живет российская глубинка. Но для меня это показатель мастерства журналиста – я убедилась в том, что Нина не потеряла профессиональный нюх, умение видеть красоту в обычном. Нина в одном из интервью заявила, что полностью поддерживает слова одного из известных самарских журналистов, первого редактора «Самарских известий»: «Газета – это сумма личностей». Я обрадовалась: наконец-то Ниночка нашла формулу, что такое газета. А как мы над этим мучались, сидя в «Сфинксе»...

Люда Мишина, член почетной Колеи боевых подруг после окончания университета уехала в Великий Новгород, работала в газетах «Новгородская правда» и «Новгород». Потом вернулась в родной Петрозаводск, где жили ее роди-

тели. К слову говоря, она никогда не теряла связи с «Молодежной газетой Карелии», в которой начала писать, еще будучи школьницей-семиклассницей. Все мы были когда-то юнкорами и с подачи молодежных газет поступили в ЛГУ им. А.А. Жданова. Я тоже начинала с «Молодежи Якутии». Но у Люды привязанность к молодежной газете продлилась лет 38. Переехав в Петрозаводск, она стала сотрудничать с газетами «Карелия», «Северный курьер», журналами «Ома муа», «Kirina». Награждена Благодарственной грамотой Главы Республики Карелии и многими другими наградами. Сегодня проявляет активность как член правления общественной организации «Карельская Полония». О себе говорит так: «Любови всей жизни – карельская природа, родная семья, книги и путешествия, верные друзья».

Нонна Корженкова работала в газете «Православный Санкт-Петербург» и на «Православном радио Санкт-Петербурга». Нонна пишет о мироточивых иконах, о судьбах апостолов и простых христиан, о соборах и их прихожанах. И, мне кажется, это невероятно подходит ей. На праздновании юбилея газеты «Православный Санкт-Петербург» Нонна Корженкова заявила: «Чем старше становишься, тем больше ценишь людей, с которыми работаешь. Они учат беречь радость жизни, ценить аромат православия, который несет газета...» Аромат православия – как славно сказано! Уж Нонна-то точно его чувствует.

Наибольших успехов в журналистике достигли Кирилл

Набутов, Игорь Мосин, Наташа Сеина. Но это на мой взгляд. Кирилл Набутов, после окончания нашего факультета работал спортивным комментатором Ленинградского телевидения. 12 раз выступал комментатором на Олимпийских играх: в Москве, Сеуле, Барселоне, Сиднее, Калгари и т.д. Придумал авторскую программу «Адамово яблоко», ставшую первым в СССР телевизионным мужским журналом. Программа выходила на всероссийском канале РТР. Потом Кирилл создал телевизионную компанию, и тоже под названием «Адамово яблоко», снял множество документальных фильмов. Работал на НТВ, обладатель Гран При «Золотое перо-1997». Кирилл Набутов сделал так много, что перечисление его достижений может занять несколько страниц. Своего первого сына он назвал не Олдингтон, а Виктор, в честь известного деда. Вместе с Виктором в 2017 г. они сняли документальный фильм о первом футбольном матче в Арктике. Фильм назывался «Зенит» – «Приразломная»: первые в Арктике», его показали по НТВ. В фильме Кирилл Набутов является ведущим и повествователем. В истории моего однокурсника Набутова главное то, что и сын, и внук приумножили славу деда, Набутовы создали династию спортивных комментаторов и документалистов.

Игорь Мосин до перестройки работал в газетах «Труд», «Социалистическая индустрия», «Правда». С 1996 г. Игорь Мосин – генеральный директор издательства «Женское здоровье» (г. Москва). Игорь борется за то, чтоб не погиб ры-

нок печатной продукции, чтоб газеты, журналы, альманахи поступали к читателю напрямую, минуя ненасытных дистрибьютеров и также радовали россиян отточенным словом, он против цифрового слабоумия. Еще один штрих к портрету Мосина. Игорь приезжал на встречи и корпоративы нашего курса, и за все платил, никогда не мелочился. Помню, он прибыл из Москвы «утренней лошастью», прямо с Московского вокзала на 1-ю Линию Васильевского острова, где мы собрались по поводу 25-летия окончания ЛГУ, пожал руки товарищам по звонким юношеским годам, оплатил счет за весь курс в ресторане и тут же уехал – ждали неотложные дела.

Наталья Сеина много лет отдала своему любимому Приморью, ее до сих пор там помнят, как талантливую журналистку. Она была собственным корреспондентом «Учительской газеты» по Дальнему Востоку, затем – собственным корреспондентом «Литературной газеты». В советские времена быть корреспондентом от центральной газеты в своем регионе было очень круто, тебя воспринимали почти как члена правительства, не меньше.

Я приехала к Наталье в гости во Владивосток, зашла сначала в кафе «Ностальжи», что недалеко от Морского вокзала – там висела картина «Жница» Константина Васильева. Это был привет мне из далекой юности, из параллельных миров. Затем я отправилась в гости к однокурснице, я сидела у нее в квартире в самом центре русского Сан-Франциско с видом

на бухту Золотой Рог, наслаждалась потрясающим серо-серебристым морем с кораблями на рейде, чашечкой отличного кофе и газетой «Дальневосточные ведомости», редактором которой была Наталья. И вдруг однокурсница, которая достигла пика своей приморской карьеры, ошарашила меня заявлением:

– Вот, продаю квартиру и уезжаю в Питер.

– Ну как же твоя газета? Владивосток? Твои читатели? Да, наконец, этот вид из окна? – закидала я ее вопросами. Я была искренне возмущена таким решением.

– Хочу прожить еще одну жизнь, – спокойно ответила Наталья.

В Санкт-Петербурге она работала редактором изданий Северо-Западного филиала Сбербанка России, затем редактором трех отраслевых журналов петербургского Издательского Дома «Сфера». Как-то в Рождество Наталья Сеина пригласила меня в гости «посмотреть вид из петербургского окна», заявив, что он не хуже владивостокского. Мы с ней жгли свечи и смотрели на снегопад в окне. Я осталась, впрочем, при своем мнении (что может сравниться с морем?), хотя и не сказала об этом. Но дело не в виде из окна, а в том, что Наталья и в Питере трудилась редактором, она доказала свой профессионализм.

Некоторые однокурсники по каким-то своим причинам ушли из журналистики, в том числе и я, но это не значит, что они (мы) не смогли проявить себя. Напротив, откры-

лись какие-то другие способности и новые перспективы. Лена Плюйко (Гоголь) – помните, самая женственная из девчонок нашей группы?! – сегодня трудится музейным педагогом или педагогом-организатором в музее Ленина в г. Выборг. Долгое время она проработала в газете «Выборжец». А вообще была и такая страничка в ее жизни – она жила на старом финском хуторе, на берегу залива и почти в полном уединении писала свою беллетристику. И сегодня время от времени туда сбегает от городской суеты.

Я была еще в гостях у Генки Матвеева в Софии, он рассказывал весьма увлеченно, что занимается воспитанием и перевоспитанием трудных подростков, в горы их таскает. Генка – автор педагогической технологии, согласно которой для трудных подростков нужно устраивать воспитательные экспедиции, причем, делать эти экспедиции надо в условиях относительной изоляции. Генка еще трудится педагогическим советником в одной из софийских школ. Мой однокурсник уверен, что на своем месте. Меня он тоже утянул с собой на вершину Витоша. Там, на вершине горы читал мне стихи нашей однокурсницы Карины Вартановой и много что говорил о поисках смысла жизни. Ирка Лукьянова-Лисицына нашла себя в туристической отрасли и в создании гармоничного семейного очага. Она стала рассудительной питерской дамой, но где-то в глубине души осталась и стилистом, и Нансеном-путешественником. Андрей Бурдыкин стал блогером, делал свой сайт, издавал журналы, на досуге занимается со-

чинительством и пишет стихи для себя и друзей.

Хочется сказать несколько слов о моих старших товарищах, которые помогали мне в юности советом. Владимир Фейертаг по-прежнему работает лектором Джазового клуба на Загородном (по крайней мере так было в середине нулевых), только теперь клуб преобразовался в Джазовую Академию. Фейертаг организовал множество джазовых фестивалей в Санкт-Петербурге, написал несколько книг о джазе, в том числе, и энциклопедический справочник «Джаз», организовал гастрольные поездки наших российских джазмэнов в Европе и США. Радиостанция «Голос Америки» наградила его премией Уиллиса Коновера. Людмила Семина по-прежнему трудится в журналистике, она руководит Клубом журналистов «Комсомольской Правды», ведет летопись газеты. Михаил Хромаков тоже не изменил журналистике за эти 40 лет. В начале перестройки Хромаков организовал рок-лабораторию в своей 20-й комнате, которая окнами выходила на дурно пахнущий двор ресторана «София», эта комната стала штаб-квартирой независимого рока. В ней побывали и ДДТ, и «Облачный край», и Г. Сукачев. Один из первых рокеров страны А. Градский тоже создал свою рок-лабораторию, но конкурировать с моим брутальным другом, популярным репортером г. Москвы ему было не просто.

Некоторые люди почему-то с пеной у рта утверждают, что увлечения юности быстро проходят. Но любовь к рок-музыке я сохранила на всю жизнь. Она и сейчас у меня

также ярка и первозданна, как в юности. У меня накопи-лась огромная коллекция виниловых пластинок, я слушаю их на проигрывателе со старым граммофоном, купленном в ретро-магазине. У меня имеется большая коллекция фирменных маек, которые я покупала в Hard Rock cafe по всему миру. Я прослушала концерты рок-музыкантов в Hard Rock cafe в Москве, Стокгольме, Осака, Сайгоне, Ливерпуле, Паттайе, Иерусалиме, Амстердаме, Улан-Баторе, Лас-Вегасе, Нью-Йорке, Чикаго, Гонконге. При всем моем уважении к Б.Г. позволю себе выразить несогласие с его фразой «Рок-н-ролл мертв. А я жив». Я больше живу в унисон с фразой Битлз: «All you need is love». Об одном жалею: не смогла прилететь в июне 2004 года в Санкт-Петербург, на культовый концерт главного битла Пола Маккартни. Говорят, людей на Дворцовой площади собралась тьма тьмушая: 100 тысяч человек. Пол Маккартни спел новую песню про Санкт-Петербург, там были строчки: «O, Mr. Rain kept away. We didn't need you here today. Thank you, Mr. Rain for staying away». Главный битл уважительно называл дождь Мистером и радовался тому, что Мистер Дождь в день его концерта отправился «куда подальше» от Питера. Но главное – Пол Маккартни назвал Санкт-Петербург прекрасным городом, столицей русского рока. Forever, Питер!

В моей повести о юности есть еще один «немолодой» герой, не могу не сказать о нем, то есть о ней хотя бы два слова – это Арка старого дома на Марата. 40 лет спустя я при-

ехала в Питер, чтобы встретиться с однокурсниками. Я, конечно, и раньше приезжала, но теперь была дата. Я назначила встречу друзьям на улице Марата, в ресторане «Гастрономика». Ресторан возвышался над улицей, в перспективе был виден Невский. Я рассказала, что недавно проехала по новому железнодорожному полотну от станции Нижний Бестях до Нерюнгри. В июле 2019 г. по всему участку, от Малого до Большого БАМа наконец-то открыли пассажирское движение. Это был большой праздник, он собрал бамовцев со всего света. Осталось возвести железнодорожный мост через Лену до Якутска. И тогда мы поставим точку в строительстве БАМа. Строить железную дорогу в тайге – огромный труд, но свои мечты мы умели воплощать в реальность.

Потом мы с друзьями гуляли-бродили по вечернему городу, по Марата, которая смотрелась отчасти центральной, отчасти – провинциальной улицей. Местами шумной, местами – безлюдной. Но такой она была всегда. Существенных изменений на улочке имени моей юности не произошло. Когда мы подошли к Марата, 84, на перекресток двух путей, я увидела старую Арку. Я очень обрадовалась встрече. Я зашла во двор-колодец, он был таким же темноватым, слегка неаккуратным, но хранящим дыхание веков. Я посмотрела сквозь Арку. Что же я увидела? Как и прежде, трамвай с сиреневым огоньком, кусочек улицы, деревья в сквере напротив. «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Теплая волна нежности и благодарности подкатила к сердцу – это была Арка, мимо

которой прошла моя юность. Прошла и не задержалась.

Железные люди

Я помню Москву 60-х годов прошлого века. Оттепель. В прямом и переносном смысле слова. В Москве начало весны, появляются первые зеленые листочки и слышнее трели птиц. И под стать просыпающейся природе оживают люди, спешат выйти на улицу и пойти в концерты. Модные поэты читают свободные стихи. Художники пишут полотна, в стиле Малевича и Кандинского. И даже моя родная тетя Шура, железная леди – а по-другому ее назвать нельзя – немного увлечена новыми культурными поветриями Советского Союза.

Мы виделись с теткой крайне редко, и каждая встреча была на вес золота. Но я точно помню, что мы встретились с ней в весенней Москве, в 60-х. Тетя Шура была одета в строгий коричневый костюм, из-под пиджака нарядно выглядывала белая блузка. На губах у нее была светло-коричневая помада, почти невидимая. Тетя Шура никогда не была модницей, напротив, слыла скромницей, человеком строгих правил. Но наблюдательные люди замечали, что тетя Шура была красива от природы – красотой неброской и осторожной. Она и губы-то почти никогда не красила.

Но это был особый случай. Важная деловая встреча в Москве, которая решала многие вопросы, в эти годы тетка работала Вторым секретарем Горкома партии г. Алатырь в

Чувашской АССР. И во время этой командировки должна была еще состояться встреча со мной – племянницей с Крайнего Севера, далекой родственницей, общение с которой – редкость. Каждое слово помню из наших диалогов, каждый жест – и ее, и мой, атмосферу этого приподнятого рандеву помню. Прекрасная гостиница «Россия», просторный номер с хорошей мебелью, чай в граненых стаканах с подстаканниками. Тетя Шура рассказывает мне про свою подругу – первую в мире женщину-космонавта Валентину Владимировну Терешкову. Она говорит мне, что Валентина Терешкова приезжала в Чебоксары к своему жениху космонавту Андрияну Николаеву. В Чебоксарах на одном из торжественных приемов тетя Шура познакомилась с Валентиной Владимировной. Валентина поведала ей в душевной беседе, как она со своим женихом на небольшом частном самолете прилетала на курорт Аршан, что в Бурятии, в долине между Саянами и Хамар-Дабаном, и они приземлились на кукурузном поле. А люди, восторженные, бежали по этому полю навстречу самолету, размахивали руками.

Тетя Шура излагает мне все эти истории из педагогических соображений. Она хочет показать, что советская женщина должна много и трудно работать, нисколько не меньше мужчин. Советская женщина должна быть коммунисткой, верить в светлое будущее СССР – страны, которая покорила космические дали. Я слушаю тетю Шуру, восхищаясь ею, старательно запоминаю каждое слово и откладываю

его на нужную полочку памяти. Но при этом, мне неудобно признаться, что в истории с Терешковой меня захватывает вовсе не советская, а, я бы сказала, голливудская составляющая необычного рассказа – то, как женщина летит с любимым мужчиной на своем самолете над сине-сиреневыми горами и приземляется в высоких травах. Как женщина и мужчина идут потом вдвоем, взявшись за руки – *правее на солнце, вдоль рядов кукурузы*.

Впрочем, в те недолгие часы, которые выпали в моей судьбе на встречи со знаменитой теткой, мне все же удалось впитать главную ее науку – надо всю жизнь много работать. И второе – мы рождены в СССР, лучшей державе мира. А оттепель – восприятие другой культуры, зарубежной моды, книг и картин – «а что, это можно», говорит с улыбкой тетя Шура. Главное, чтоб они не противоречили идее мировой революции.

Моя тетя Шура Кутовая-Нагибина прожила настолько яркую и насыщенную жизнь, что по ней, как по учебнику, можно изучать в школах достижения советской эпохи. Боевая тетка начала трудовой путь в 1942 году. Как старшая в многодетной семье, она не могла не работать во время Великой Отечественной войны. В семье было шестеро детей, мал мала меньше. Александра Кутовая, черноволосая невысокая девушка с яркой украинской внешностью стала работать с энтузиазмом и упорством юности. Она трудилась инструктором по кадрам на стройучастке, телефонисткой, дежурной

по железнодорожной станции в г. Славянске Донецкой области, крупном железнодорожном узлом центре на Украине, там же была поездным диспетчером. В общем, не чуралась никакого труда. Была и такая страничка в ее военной юности – работала на строительстве железной дороги Саратов – Красный кут – Сталинград. Историки называли этот участок железнодорожного пути «Волжской рокадой» и говорили, что он сослужил роль Дороги жизни для Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Параллельно работе во время войны Александра училась в железнодорожном техникуме.

Мой брат Андрей Аллилуев рассказал мне, что с возрастом тетя Шура чаще стала вспоминать войну, а в более молодые годы совсем не могла об этом говорить.

– Вот, смотри, – сказал брат, – у нее в трудовой сделана скромная запись – «телефонистка». Но мало кто знает, что вмещает это запись, короткая строка из летописи жизни. Это было на станции Баскунчак, Северный Казахстан. Это здесь Александра Кутовая работала телефонисткой. А приходилось делать все: ухаживать за ранеными, хоронить мертвых, разгребать завалы после бомбардировок, восстанавливать пути, чтоб продолжалось движение поездов. Станция Баскунчак была крупным железнодорожным узлом и являлась важным стратегическим объектом, ее бомбили постоянно. Так и жили от бомбежки до бомбежки... Тетя Шура еще тогда могла умереть, а ей было всего 18 лет.

После войны Александра Кутовая твердо решила продолжить обучение и поступила в Институт инженеров железнодорожного транспорта в прекрасный и по-южному приветливый г. Тбилиси. Замечу, наши родители, тети и дяди, которые в войну подростками трудились в тылу, после войны стали студентами, и я точно знаю, что это было для них самым счастливым периодом жизни. Это была их немного запоздавшая, но все равно беззаботная студенческая молодость. Кому-то из студентов было далеко за 20 и даже за 30 лет. «Беззаботная» – самое сладкое слово в этом ряду, они, взрослые подростки войны еще успевали отдать дань юношеским забавам, успели вскочить на ходу в последний вагон поезда жизни. А у меня другая ассоциация с мирными 50-ми годами – я называю их «крепдешиновою молодостью» наших родителей. На улицах крупных городов, в институтах и на танцплощадках правил бал крепдешин, послевоенный шик. В октябре 1950 г., в институте Александра стала членом КПСС – для нее, высокоидейного человека это стало большим событием. А было ей в ту пору всего 27 лет.

После окончания института тетя Шура вернулась в Славянск и стала преподавать в Славянском железнодорожном техникуме. На дворе стояли ренессансные, упоительно свободные 50-е годы, если быть точным, 1952-1955 годы. Можно было петь, танцевать в перерывах между работой – война была позади. Тетя Шура дослужилась до завуча техникума. Начальственная жилка в ней всегда пульсировала и, кажет-

ся, ей сразу понравилось руководить людьми. Так было проще воплощать в жизнь идеи и замыслы, которых у нее всегда было много. Ни у кого из шестерых детей Кутовых не имелось столько искрометной энергии, как у тети Шуры, столько фонтанирующих идей. Она, действительно, хотела переделать мир, сделать его чище, нравственной. Начала «переделывать мир» с обучения подрастающего поколения. Пассионарии и оптимисты, как известно, движут миром, а остальные – только наблюдают и критикуют.

В 1959 году тетю Шуру послали работать преподавателем в техникум железнодорожного транспорта в г. Алатырь Чувашской АССР. Она была убежденной и активной коммунисткой. И мало кто, в сущности, удивился, когда в 1962 году Александру Валерьевну, еще совсем молодую женщину назначили Вторым секретарем Горкома партии г. Алатыря. На этом посту она проработала 8 лет, карьера резко пошла в гору. Следующий пост, не менее ответственный и хлопотный – Александру Валерьевну Кутовую назначили Председателем Горисполкома г. Алатыря. Когда-то я была в Алатыре. Это небольшой купеческий городок, много деревянных домиков с высоким крыльцом и палисадником возле окон, большая железнодорожная станция, химический комбинат. Мне показалось, что город этот уснул и не слишком торопится стать современным. Думаю, что тете Шуре все же удалось «разбудить» его.

В 1970 г. Александра Валерьевна Кутовая стала фактиче-

ски мэром города Алатырь, его градоначальником. Она рьяно взялась за строительство дорог, разбивку скверов и палисадников, за преобразование быта советских трудящихся – чтобы не было никаких ветхих домов и долгостроев. Моя родственница мечтала превратить этот небольшой чувашский город в цветущий сад и всем страждущим дать квартиры в новых жилищных кооперативах. И, наверное, все эти благие мечты сбылись бы, но достаточно быстро тетю Шуру «взяли в столицу» – в 1972 году ее назначили Министром бытового обслуживания Чувашской АССР и она переехала в город на Волге, в открытый всем ветрам и преобразованиям город Чебоксары. На этой должности тетя Шура, можно сказать, расцвела, она смогла реализоваться в полной мере. И, конечно, деятельность в столице, городе с большими возможностями располагала к этому.

Между прочим, мало кто знает, что Министерство бытового обслуживания во всех союзных и автономных республиках СССР было одно из самых передовых, оно быстрее других перешло на прогрессивные рельсы работы и переняло некоторый зарубежный опыт. Например, в первые же годы Советской власти придумали автобусы-мастерские с передвижными парикмахерскими, сапожными мастерскими. В 70-е годы во многих крупных городах стали открывать Дома быта, и тетя Шура тоже поддержала это начинание. Причем, тетя Шура создала целую сеть Домов быта – они стали открываться не только в крупных городах и районных цен-

трах, но и в сельской местности Чувашии. Дома быта стали настоящими культурными центрами, в них заработали модные фотоателье, ателье по пошиву одежды, кафе, парикмахерские, приемные пункты. Именно при тете Шуре в Чувашии была создана крепкая отрасль бытового обслуживания. Была построена трикотажная фабрика – сегодня чебоксарский трикотаж популярен по всей России, Дом мод, закуплено новое оборудование. В волжскую республику со всего Советского Союза приглашались на работу классные специалисты – модельеры, манекенщицы, скорняки, дизайнеры, портные. Для ценных специалистов создавались отличные условия. Стали регулярно проводиться конкурсы профессионального мастерства среди работников отрасли. Кроме того, тетка добивалась централизованного финансирования отрасли, все эти многочисленные ремонтные мастерские стали основой развития малого предпринимательства. Хотя тогда, в 70-х говорили пока только о кооперативах.

На закате своей трудовой деятельности Александра Валерьевна Кутовая-Нагибина служила помощником председателя исполкома Чебоксарского горсовета народных депутатов. В 1986 году, в возрасте 63 лет тетя Шура ушла на пенсию, с достоинством, с гордо поднятой головой. Я думаю, она могла бы еще поработать и пригодиться людям, но обстоятельства личной жизни все же помешали ей это сделать. За свой честный труд тетя Шура была награждена двумя орденами – Орденом Октябрьской Революции и Орденом Трудового Крас-

ного Знамени, есть у нее и медали. В 2002 году Александре Валерьяновне Нагибиной было присуждено звание Почетного гражданина города Алатырь.

Кроме заслуженных наград, у моей труженицы-тетки была еще и заслуженная слава по всей Чувашии – слава неподкупного честного руководителя, настоящего коммуниста. Она всю жизнь дружила с двумя великими женщинами СССР – Валентиной Владимировной Терешковой и Людмилой Георгиевной Зыкиной. Обе любили навещать в гости в Чувашию. Валентина Терешкова приезжала к родственникам мужа, а королева русской песни любила петь в Чебоксарах над широкими просторами Волги. И тетя Шура словно сверяла свою жизнь, свои достижения по образу и подобию жизненной судьбы двух великих русских женщин. Но никогда не бравировала этой дружбой.

Еще тогда, в 60-х в гостинице «Россия» тетя Шура учила меня, что в Советской России общее дело, работа на том участке, куда тебя послала партия, должны быть выше личных интересов. И о своих личных проблемах даже стыдно говорить вслух – это ведь так мелко перед тем, что мы должны построить лучшее и самое справедливое в мире государство. В эту идею – построение справедливого государства рабочих и крестьян, людей труда – верили все мои родственники, и украинские, и русские.

Но революция революцией, а тетя Шура была весьма интересной дамой, и она нравилась представителям сильного

пола. Жаль, что женское счастье у нее было слишком коротким и слишком трудным. Она вышла замуж за талантливого умного мужчину Владимира Нагибина. Историю их любви мне рассказала моя мама, средняя сестра из Кутовых. Она говорила, что это была гармоничная любящая пара – Владимир и Александра, они познакомились в Тбилиси, в вузе. У них родилась дочка Таня. Но Нагибин стал выпивать, он считал, что в его работе конструктора алкоголь не помеха, у него были свои взгляды на работу и семью. Тетя Шура была слишком гордой, чтобы терпеть «отклонения» мужа от генеральной линии ее жизни и вскорости они развелись. Фамилию мужа тетка оставила. Наверное, все-таки потому, что любовь была и память об этой любви она не хотела уничтожать окончательно.

Уйдя на пенсию, тетя Шура посвятила себя самообразованию, заботам о больной дочери, общественной работе – возродила Чувашскую республиканскую партийную организацию. Много сделал для тети Шуры ее племянник Андрей Аллиуев, сын тети Вали, младшей сестры из Кутовых. Он и его супруга Ольга взяли на себя опеку над тетей Шурой и ее дочерью Таней. Они уже 10 лет живут вместе, большой дружной семьей в городе на Волге, в Чебоксарах – Андрей, его супруга Ольга, тетя Шура и Таня. Андрей 34 года работает врачом-рентгенологом, в принципе в одной и той же больнице, просто менялись ее названия. Ольга ухаживает за теткой и золовкой. Ей пришлось уйти с любимой работы –

она трудилась воспитателем детского сада на Заводе тракторостроителей, но оставлять двух больных женщин без присмотра было нельзя. Ольга как-то сказала мне, что Андрей привык жить внутри «женского царства» и в их доме царит доброжелательность и взаимопонимание, и какой-то особый уют. Я бы сказала, что главный принцип этой семьи – человечность. Тепло вспоминают Андрей и Ольга празднование 90-летия тети Шуры. Навестили юбиляршу-долгожительницу в этот день и.о. главы администрации Московского района г. Чебоксары Ю. Офицеров, начальник отдела социальной защиты населения Чувашской республики Л. Алипова, прислал телеграмму из г. Алатырь глава администрации М.В. Марискин, приехали родственники с Украины.

Когда тете Шура исполнилось 95 лет, я тоже поздравила ее по телефону, из далекой Якутии и спросила, в чем секрет ее долголетия. Тетя Шура ответила: «только в одном – любить людей». Кто-то, наверное, ухмыльнется, мол, что в этой фразе оригинального, что «секретного»? Но это, опять-таки, как посмотреть! Можно вложить в эту фразу особый смысл, наполнить ее добрыми делами, использовать ее и в горе, и в радости, стараться по максимуму передать людям свое тепло, никого не предав, не обидев – и тогда эта фраза будет «работать». Без особого наполнения фраза «любить людей» – пустой звук.

Если вы спросите, у кого тетя Шура переняла главные свои качества – работоспособность, железную силу воли,

оптимизм, умение общаться с людьми, я сразу отвечаю: это в деда Валериана, Валериана Филипповича Кутового. Дед был простым работягой-строителем, прорабом, не лишенным, впрочем, природного ума и юмора, хотя университетов не кончал. Надо отметить, что он был еще и храбрым солдатом. Участвовал в Гражданской войне в армии Будённого, очень гордился этим фактом и всегда вспоминал, как здоровался за руку с Семеном Михайловичем. Может быть, знаменитый маршал удостаивал нашего деда, в ту пору молодого солдатака такой чести потому, что Валериан Кутовой достойно выполнил его боевое задание – придумал технические возможности для уничтожения тачанки Нестора Махно. Наш дед Валериан гордился также тем, что слава о его техническом рационализаторстве дошла до Климента Ефремовича Ворошилова и военачальник похвалил молодого будённовца за инициативу. После ранения, полученного Валерианом Кутовым во время Гражданской войны, он был признан негодным к строевой службе.

Во время Великой Отечественной дед работал в Мостопоезде на Волге, а затем с Мостопоездом прибыл на Донбасс для восстановления мостов, разрушенных войной. Вообще Валериан Филиппович без устали что-то строил, возводил, ездил в командировки на объекты по всей России – надо было кормить большую семью. Он один содержал семерых человек. Но для того и нужна семья, все эти люди были его продолжением: его супруга Мария Ивановна, три дочери –

Шура, Катя, Валя и три сына – Коля, Юра, Володя. Как только дети подросли, они стали хорошей сменой деду Валериану.

Про деда рассказывают байки. Байки ходят-бродят по нескольким поколениям семьи Кутовых и превращаются в фольклор. Дядя Володя служил в армии, дедушка Валериан приехал проведать сына. Зашел в кабинет к полковнику, командиру части, в которой дядя Вова служил и говорит:

– «А шо це в тебе за погони?»

– «Полковничьи», – отчитался командир части

– «Тю, а в мене таких не було. Чорти шо. Шо це за погони такі? В мене були ось так от у рядок, а в тебе ні»

И вышел из кабинета. Полковник посмотрел задумчиво на рядового Владимира Кутового и спросил: «А кто Ваш папа?».

Владимир Кутовой в глубине души растерялся, но виду не подал. У дедушки была железнодорожная форма и на ней петлицы. Но надо было как-то выходить из ситуации, и дядя Володя промямлил, что в прокуратуре, мол, погоны совсем другие. Полковник посмотрел на солдата уважительно и ответил: «Понятно!».

Дед Валериан пробыл в части у сына несколько дней, удостоверился, что все хорошо и собрался обратно. Тем временем в воинскую часть прибыл проверяющий, большой воинский чин и его вместе с дедушкой решили отправить до города на одной машине. Это была грузовая бортовая машина.

Дядя Володя поехал провожать отца. Дедушка подошел к кабине и заявил офицеру с большим воинским званием: «Синок, ты полізає у кузов, бо я старий, а я як небуть тут поїду». Этот офицер немного опешил, но пересел в кузов. Дядя Володя сознался, что ему снова стало немного неудобно за батю, он даже успел подумать: ну теперь-то точно репрессии будут по отношению к нему, простому солдату. Однако офицер по-отечески похлопал рядового Кутового по плечу и заявил: «Мировой у тебя батя!»

Дед Валериан был настоящим главой семьи, обо всех заботился. И хотя уставал на стройке, находил время, чтоб поиграть с детьми. Тяжело заболела моя бабушка – Кутовая Мария Ивановна и дядя Володя рассказывал, что дедушка очень часто ездил в больницу к супруге. В один из таких визитов собрался, налил в баночку борща, положил его в авоську, которые были раньше с крупными дырочками, и поехал в больницу. Когда дед вернулся, домочадцы обнаружили, что одежда у него была испачкана, а на вопрос: «Батя, что случилось?» он ответил: «Да якась роззява іхала у вівтобусе з борщем, розліла його». Дядя Володя говорит: мы сразу поняли, что это была за роззява. Видать, держался рукой за поручень, в которой была авоська с борщом, банка и открылась. Еще у дедушки была своеобразная оценка глупых людей – Сволочь первой гильдии, Сволочь второй гильдии и Дурак высшей степени.

А я расскажу байку, про которую, наверное, мало кто зна-

ет, но она, мне кажется, характеризует деда Валериана как человека необыкновенного, в судьбе которого было немало интересных поворотов, причем, связанных с историей нашей страны. Дед Валериан приехал к нам на Крайний Север, в Якутск. К слову говоря, он был единственным из Кутовых, кто решился отправиться в гости в наши суровые края. Приехал проверить, как живет его дочка Катя с супругом Иваном. Дед был человеком глубоко южным, он все время мерз на улице, к тому же он прилетел в каракулевой папахе, которую у нас зимой никто не надевал. Дед выходил на улицу закутанный, как блокадник и немного по-старчески ворчал, что в таких условиях «жители взагалі не можливо». А потом дед перестал выходить на улицу, он днями и ночами запоем читал какую-то книгу. Дед читал эту книжку даже ночью, на кухне, когда все спали. Наконец, я не вытерпела и спросила его, что же такого интересного он обнаружил в этом произведении.

– Слухай, унучка, – заявил, волнуясь дед. – Ось це книга, ото книга! Я стількі дізнався... Дізнався як Іван Строд боровся з Анатолієм Пепеляєвим. О, про Пепеляєва особлива історія, – махнул он рукой и стал продолжать немного сбивчиво, переходя с темы на тему. – Строд – повний Гіоргіївський кавалер, яких небагато! Ну, як маршал Будьоний, з яким я боровся, – дедушка говорил с азартом. Я поняла, он как все мужчины уважал боевых командиров и хорошо разбирался в наградах, да и вообще в военной теме. – Строд по якутсь-

кої тайзі бродив, Колчака гоняв, чуть не вмер від холоду та голоду. Але головне – Строд боровся з дружиною генерала 18 днів тримал оборону Амгі – як це гідно! І переміг! Який герой! Він переміг всемогутнього командира білої гвардії. І, ось ще що – інше я знав генерала Пепеляєва! – заявив дед. – Тільки нікому не кажи.

Вначале я даже испугалась: как же дедушка мог знать злодея-белогвардейца?! Может, мой дед тоже участвовал в боях при Сасыл-Сасы, на стороне белых, что было уж совсем невероятно. Но дедушка упорно и настойчиво повторял, что был знаком с Пепеляевым, правда, в ту пору он и предположить не мог, что Анатолий Николаевич – бандит. А потом дед Валериан с чувством добавил, хорошо, мол, что, приехал к дочке на Север и прочел книгу Строда «В якутской тайге» о Ледовой эпопее, хорошо, что выяснил до конца, кто такой этот самый Пепеляев. А я, девочка-школьница смотрела на него с восторгом и интересом. Эта история казалась мне запутанным приключенческим кино. Дед рассказал мне, что работал с Пепеляевым чуть ли ни в одной строительной бригаде, тот был отменным плотником, стекольщиком и столяром. Тайный генерал общался с простыми строителями приветливо и без проблем. О себе ничего не рассказывал. Дед и не подозревал, что его товарищ по стройке – знаменитый опальный военачальник, за плечами у которого был позорный разгром под Амгой. И вообще деду казалось, что столяр – «наш, красный»

– Адже ось як вийшло, – сетовал дед. – Я значить, кращий солдат Будьоного, а він – білогвардієць недобитий і разом чай пили. Ну треба ж, а?

Мой папа подсмеивался над этой историей и говорил, что дедушка что-то перепутал. Мама смотрела на дедуся с любовью, никакими вопросами не мучала, поила его чаем, никуда не пускала. Надо было мне тогда с ним сходить в музей, к памятнику Павшим героям Гражданской войны. Но было холодно и мы никуда не пошли. История эта так и осталась не проясненной и со временем совсем забылась. Дед вернулся на Украину и больше я его не видела – невысокого черно-волосого смышленого человека. И только много позже, став уже взрослой и ученой, в каких-то исторических записках я прочла, что генерал Анатолий Николаевич Пепеляев прожил бурную жизнь, вместившую в себя и бои на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, и эмиграцию в Харбин, и одиночную камеру Ярославского политизолятора. В 1933 году закончился тюремный срок генерала Пепеляева, он поселился в Воронеже, где работал простым столяром в разных бригадах. Период этот длился у него почти четыре года. Так что, пути господни неисповедимы...

В семье Кутовых было три брата – Николай, Юрий и Владимир и три сестры – Александра, Екатерина, Валентина. Главным героем моей ретро-повести я вначале хотела сделать только аксакала семьи Кутовых – тетю Шуру Кутовую. Ей сегодня 97 лет, она пребывает в полном здравии. Сегодня

она стержень семьи, на нее равняются, ей подражают. Ее, без преувеличения, можно назвать главой рода Кутовых.

Но потом я подумала, мне надо написать про всех сестер и братьев, по старшинству, то есть сначала про старших, потом – про младших – ведь каждый из них, наших предков сделал что-то хорошее, светлое на земле и внес свою лепту в формирование истории семьи. Без них не было бы нас, среднего поколения и наших детей. Так что, по закону Сансары, продолжу раскручивать тугую спираль истории семьи одного крепкого украинско-русского рода. Хочу разобраться, что дает нам, ныне живущим история этого рода, какими ценностями обогащает.

Продолжу говорить про сестер Кутовых. Моя мама Екатерина Валериановна Кутовая была достойной представительницей фамилии. Она была единственной, кто уехал так далеко от дома – с крайнего юга, Украины на Крайний Север. Для этого тоже надо было иметь мужество. После окончания Ворошиловградского сельскохозяйственного института, получив профессию агронома, мама оказалась волею судьбы и распределения в Читинской области. Попала, как говорится, в самую тмутаракань – на Джалиндинскую МТС. Папа рассказывал мне, что, когда он увидел маму, у нее были длинные черные косы и она, верхом на коне, как амазонка, объезжала поля. Папа сразу по уши влюбился в нее. Мама только год проработала на Джалиндинской МТС и папа увез ее с собой в Якутию.

В 1953 году Екатерину Кутовую приняли в Якутскую МТС главным агрономом. До 1957 года она работала по своей специальности, а потом занялась партийно-советской работой, которая стала основной в ее жизни. Сначала проявила себя как хороший преподаватель экономики в Совпартшколе, отдала этому занятию почти 9 лет. А начиная с 1968 года мама занималась Высшей партийной школой, общалась, можно сказать, с элитой республики. Она руководила координационным пунктом по ЗВПШ в Якутском обкоме партии, работала с руководителями предприятий, заводов, общественными деятелями, которые планировали повысить свое образование. Работала в Президиуме Верховного Совета ЯАССР. Получается, что 17 лет мама отдала Обкому партии республики. Но одной из главных функций и фактически смыслом жизни для нее было быть хорошей женой, опорой и подругой отца, который всегда служил большим начальником. Мои родители были первостроителями Севера, по комсомольскому призыву они приехали поднимать промышленность и сельское хозяйство республики, строить современный комфортабельный город, каких на Севере тогда было мало, они образовывали местное население, внесли большой вклад в развитие культуры республики. Сегодня именем моего отца названа улица в г. Якутске, столице Республики Саха (Якутия), на доме, где он жил с мамой, ему установлен памятник-барельеф, его имя везде и всегда употребляется вместе с именем мамы.

Вспоминаю такой случай. Как-то к нам на чашку кофе зашел первый президент Республики Саха (Якутии) Михаил Ефимович Николаев. Мои родители были хорошо с ним знакомы, а мама в молодости работала вместе с Николаевым, который по первому образованию был агрономом. Михаил Ефимович во время дружеской трапезы неожиданно спросил:

– Екатерина Валерьяновна, а почему ты не поменяла фамилию, осталась Кутовой? Это что-то личное – хотела за что-то «наказать» Ивана Ивановича?

– Да нет, конечно, – рассмеялась мама. – Ничего личного! Не хотела я никому ничего доказывать. Да вы правы, Михаил Ефимович, супруг иногда обижался. Но я сохранила свою фамилию только потому, что для меня это связь с далекой Украиной, с моими братьями и сестрами, с моим детством и юностью... Мне никогда не хотелось прерывать эту связь.

Моя другая тетка Валентина Валерьяновна Кутовая-Аллилуева работала в Алатыре химиком – она возглавляла Центральную заводскую лабораторию на заводе «Электроавтомат», проработала на нем почти 30 лет. Завод трудился на оборону и чем конкретно занималась тетя Валя никто толком не знал, и даже не спрашивал. Мы знали только, что она – замечательный специалист. А у меня был свой предмет гордости по сему поводу, ведь тетя Валя получила диплом химика в Якутском государственном университете. В молодости она жила в Якутске, у моих родителей. В ту пору у мо-

их родителей, на пр. Ленина в центре Якутска жили две Валентины: Валентина -папина сестра и Валентина – мамина сестра. Они бегали на танцы и длинные шпильки застредали у них между чурочек деревянной дороги в Якутске. Чурками был уложен даже проспект Ленина. А что вы хотите, Крайний Север?! Тетя Валя, как и моя мама, вышла замуж за читинского мужика.

Константин Аллилуев, сын тети Вали, военный моряк, награжденный медалью Ушакова за ликвидацию утечки радиоактивного топлива на подводной лодке, на которой он ходил походами, сказал о своей маме кратко, но емко и с большой любовью. Это тот самый Константин, которого тетя Валя называла в его детстве Брондехлыстом, тоже, впрочем, «с любовью». Это же надо было выдумать такое словцо! Но у нее было много всяких поговорок и словечек. Всем запомнился такой случай. В 1992 году Костя вернулся из армии. По этому поводу к тете Вале пришли гости, сидели чинно за столом. Костя вышел из своей комнаты. И тетя Валя вместо того, чтобы сказать, что-то типа «Вот какой герой вышел!» поприветствовали его так: «Ой, ой, гляньте, кто пошел: Киньстенгин Брондехлыст, идет не смотрит ни на кого, загордился весь»

Но детство и юность давно прошли, приколы и усмешки забылись, теперь моего брата называют Константин Арнольдович Аллилуев, он уважаемый человек на флоте и о своей маме говорит так:

– Я горжусь своей мамой. Она проработала на такой сложной ответственной должности вплоть до пенсии. Она была для нас ярким примером. И мы тоже с братом выбрали одну работу и на всю жизнь, он – врач, я – моряк. Нет ничего лучше конкретного примера родителей. И когда меня спрашивают, есть ли у меня, как у моряка, путеводная звезда, я отвечаю: есть! Звезда по имени Мама.

Теперь поговорим о братьях из старшего поколения Кутовых. Дядя Коля Кутовой, старший из них был человеком творческим, харизматичным, но при этом не боялся никакого грязного труда. Надо разгружать вагоны, чтобы помочь семье – и он это делал, начиная с 8-го класса. И еще лес сплавлял в Саратовской области в военное время, чтобы кормить младших братишек-двойняшек. В 1949 г. закончил Славянский техникум железнодорожного транспорта, трудился на железнодорожной станции Славянск Донецкой железной дороги. Работал на Краматорском металлургическом комбинате, в Лиманском отделении железной дороги начальником механизированной части. В 1963 году закончил машиностроительный факультет Славянского заочного политехнического института.

С 1967 года дядя Коля связал свою жизнь со Славянским железнодорожным техникумом, и проработал там вплоть до пенсии. Дядя Коля преподавал сложные технические предметы типа сопромата, технологии металлов. Но делал это артистично, много шутил во время лекции, философствовал,

рассказывал случаи из жизни. Не знаю, как назвать данную технологию преподавания сопромата, назовем это к примеру «харизматическим методом», но, думаю, такую методику надо было запатентовать. Успеваемость у дяди Коли была высокой. Его называли преподавателем от бога. Дядя Коля был скалой терпения, выдержки, такта и воспитания. Он еще часто выступал медиумом в разрешении различных трудовых споров.

Дочки дяди Володи Лера и Наташа рассказали мне, что в детстве часто ездили к дядя Коле в гости. Всегда, когда приезжали к ним, Николай Валерианович приветливо встречал девчонок и с порога задавал вопрос: «Ну-ка, рассказывайте мне, как вы выполнили соцобязательства?» Усаживал их рядышком с собой на диван, и племяшки должны были отчитаться по выполнению «соцобязательств». Девчонки тогда ничего в этом не понимали и вообще не понимали, что же ему ответить. Дядя Коля очень любил пить чай с печеньем, в большую кружку с чаем он ломал много печенья, оно размокало и превращалось во что-то непонятное. И называл он это с любовью «Телячьим пойлом».

Есть еще в семье Кутовых два брата-двойняшки Володя и Юра, для меня, конечно, дядя Юра и дядя Вова. О них нужно говорить только «в паре», потому что родились они в один день и очень друг на друга похожи. Оба они – воспитанники тети Шуры, их мама рано ушла из жизни. Дядя Вова и дядя Юра тоже долгожители, им сейчас почти 80 лет. Оба

дяди по профессии и по образу жизни – технари, как, впрочем, все Кутовые. Дядя Юра сначала получил средне-техническое образование – Артемовский керамико-механический техникум, до армии трудился на Центральном ремонтно-механическом заводе «Донбассэнерго» и на военных заводах в г. Сталино (Донецк). Отслужив, Юрий Валерьянович вернулся к своей профессии – снова стал отдавать свой труд и знания военным заводам. Закончил Горно-металлургический институт по специальности инженер-электромеханик в г. Орджоникидзе. Как в песне поется: «Та заводская проходная, что в люди вывела меня». Дядя Юра на заводах прошел большой путь: был инженером-конструктором, энергетиком цеха, начальником цеха боеприпасов, начальником отдела. Всегда вел большую общественную работу. Это началось еще с тех пор, когда он был признан лучшим солдатом полка и был принят секретарем ЦК ВЛКСМ. И так пошло потом по жизни – он хотел всегда быть впереди, проявлять инициативу. Дядя Юра был парторгом цеха, заместителем председателя завкома профсоюзов. Стоял всегда за правду, это было состоянием его души. Он выступил вдохновителем борьбы против рэкетиров, которые хотели захватить дачные участки. И, несмотря на всяческие угрозы, добился своего, то есть справедливого распоряжения своей собственностью.

Выше я сказала, что о дяде Вове и дяде Юре надо говорить «в паре», потому что они воспитывались и формировались вместе. Дядя Юра вспоминает это так. После войны, начи-

ная с 1946 года семья Кутовых жила в г. Славянске Сталинской (Донецкой) области. Семья арендовала небольшой дом с подворьем, возле речки Сухой Торец (сейчас такой реки нет). Речка была небольшая, но в половодье разливалась и затапливала близлежащие дома и огороды.

В доме держали двух козлят: козла Бориса и козочку Катю. Когда козлята подросли, маленькие Володя и Юра, по воспоминаниям дяди Юры, выводили их утром пастись на луг, а вечером приводили домой. Забирать коз домой братья-двойняшки брали с собой маленькую племянницу Таню, дочку тетю Шуры. Сажали Танюшу в четырехколесную деревенскую коляску. Когда возвращались, коляску с Таней вез козел Борис. Борька летел по улице, а Таня, которой было около 2х лет, стояла в своем транспорте и визжала от удовольствия. За коляской бежала ватага детей, жители домов по улице выглядывали из окон посмотреть на это действо.

Курить Вова с Юрой начали одновременно в 1-м классе. Бросили курить после 4-го класса, и также по обоюдному согласию. В 5-м или 6-м классе пацаны-двойняшки были замечены в раздевалке в компании курящих парней. Заметила братьев невестка и сообщила старшему брату Николаю. Николай тут же взялся промывать мозги младшим братишкам, а те сообщили ему, что уже два года как «в завязке». Дядя Коля был в восторге от этого рассказа. Сегодня ни дядя Володя, ни дядя Юра не курят.

Почти 15 лет дядя Юра проработал энергетиком цеха по

приготовлению взрывчатых смесей и наполнению ими всевозможных мин, снарядов и других изделий. Это было секретное производство. Говорить об этом было не принято. В любое время дня и ночи мог быть вызван в цех. Как-то произошёл такой инцидент. Дядя Юра находился в отпуске, но в субботу был вызван в цех. Случилась авария – сгорела и вышла из строя вся аппаратура, пульта управления, промтелефонные установки, мосты, потенциометры, обгорели более 20 многожильных кабелей управления. Все это находилось в отдельно стоящем здании, которое тоже пострадало и требовало ремонта.

Была суббота, собралось руководство завода. Дело было «ах» или «швах»: горел план цеха и завода в целом, никто не знал, что делать. Дядя Юра все оценил и заявил (никто в это не поверил), что при обеспечении всей необходимой аппаратурой, материалами и выделении в его распоряжение всех поименно названных специалистов в четверг, то есть через четыре дня цех начнет полноценно работать. И он это сделал! Цех стал работать в срок, то есть в четверг. И в обновленном, отремонтированном цехе 3-я смена выполнила смежный план. В такую развязку не верили ни друзья, ни «доброжелатели» Юрия Валериановича Кутового.

А я помню город с теплыми морскими ветрами и зелеными бульварами – это был Мариуполь, но в советские времена его называли Жданов. Отсюда дядя Юра взял в жены тетю Юлю. Помню дом у самого синего моря, где жили роди-

тели Юли – ее мама, полная колоритная рыбачка, как из песен Марка Бернеса и симпатичный крепко-сбитый отец. Вечерами за длинным деревянным столом садились все вместе есть, людей было много. Цикады пели. Ветер с моря дул. А я, человек, не привыкший к таким бархатным вечерам, восхищалась морским прибоем, жизнью в Жданове и думала, как хорошо у Юли сложилась жизнь: выросла в такой дружной семье, встретила серьезного работающего мужчину (моего дядю) и уехала в индустриальный город Донецк. А потом Юля предложила поехать погадать к гадалке – это было так захватывающе интересно, я же была тогда подростком и мечтала об Алых парусах. Но дядя Юра был против. «Вы, наверное, хотите выведать про меня какую-то информацию», – заявил он. Мы с Юлей стали весело смеяться, смешинка в рот попала. Нам было забавно слышать, что нас подозревают в очень коварных замыслах. Но все же дядя Юра отвез нас куда-то в самый конец города, к местному экстрасенсу. Что-то она нам хорошее сказала, мы с Юлей были очень довольны. Но только Юля, смущаясь, сообщила: «Гадалка мне заявила, что какие-то мысли у меня сбивчивые, запутанные...» «Во, – вмешался в разговор дядя Юра, – я же говорил, надо было Малого послать на сеанс гадания, у него правильные хорошие мысли о будущем. Малой, он лучше всех соображает...» «Малым» дядя называл моего маленького братишку Сашу, которому тогда было лет пять.

Дядя Вова начинал свой славный трудовой путь с эксплу-

атации китайской железной дороги «Дружба», в Казахстане, куда попал после окончания Артемовского железнодорожного техникума. Потом он работал старшим механиком на станции Защита. В 1971 году дядя Вова с семьей был переведен в г. Славянск, где прожил 10 лет. Закончил заочно Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. У дяди Володи тоже была своя «железнодорожная звезда», и зажглась она в положенное время, то есть я хотела сказать, как задумано было по судьбе. В 1980 году дядю Володю перевели в Новокондрашевскую дистанцию сигнализации и связи заместителем начальника. 7 лет проработал в должности замначальника и в 1987 году был выбран на выборах начальником. Владимир Валерьянович Кутовой проработал в этой должности 17 лет до 2004 года, то есть вплоть до пенсии.

Получается так: за всю трудовую деятельность дядя Володя шесть раз начинал с должности механика, что редко кому удавалось. Общий стаж на железной дороге у него составил 57 лет, только одна запись «принят» – все остальные «переведен». Профессия у него была достаточно ответственная, связанная с безопасностью движения поездов. Случалось в жизни много ситуаций, когда необходимы были – холодная голова, собранность, отсутствие паники.

Дочки дяди Володи, Лера и Наташа поведали мне, что их папочка найдет выход из любой, самой вроде бы безвыходной ситуации, он большой дипломат. «Папочка уме-

ет слушать и слышать, понимает с полуслова, иногда только хочешь сформулировать мысли или чувства, а он говорит именно то, что хотелось донести! Читает по «бровям», как он сам любит шутить» – так сказали мне Лера и Наташа, у которых у самих уже выросли дети. А они все еще зовут своего родителя «папочкой».

Рассказали мне также мои сестры и интересный случай из практики дяди Вовы, который характеризует его как хорошего руководителя. Когда он работал на строительстве советско-китайской железной дороги «Дружба» в Казахстане, у него в обслуживании было несколько станций и при этом большой протяженности. И в подчинении были люди, от работы которых зависела безопасность движения поездов. Это совокупность технических средств, используемых для регулирования и обеспечения безопасности движения поездов (предотвращение их столкновения). Для бесперебойной работы дядя Вова придумывал инструкции, писал бесконечные планы и все это усовершенствовал. И когда нужно было в определенные дни по плану, проводить какие-то работы, многие работники не приходили. Дядя Вова не мог понять, что происходит и что с этим делать. Начал общаться с местным населением, и они внесли ясность: местное население имеет большое количество скота в хозяйстве и в определенное время (с какой-то периодичностью) им нужно заниматься заготовкой сена для прокорма скота. Дядя Вова думал-думал, и решил сделать график заготовки сена. Но тут при-

ехал ревизор по безопасности движения с проверкой, увидел два графика и закатил концерт. Ревизор В.В. Кутового отругал, не разбираясь. Но когда начал задавать вопросы и вник в суть дела, остыл, извинился и даже стал ставить Кутового всем другим железнодорожникам в пример. А суть заключалась в следующем: дядя Вова составил график заготовки сена каждому работнику (кто в этом нуждался) всем коллективом, это и сплачивало коллектив, и занимало гораздо меньше времени и не отвлекало от рабочего процесса. Не срывался график работы по безопасности движения поездов. Вот такие рационализаторские предложения вносились советским руководителем Владимиром Валерьяновичем Кутовым.

Тетя Шура – вернемся к нашему главному герою – была человеком скорее жестким, нежели толерантным. В своей вере в коммунистическую звезду она была чаще фанатичной, нежели спокойно-рассудительной. И человеком, которому ей удалось передать эти качества – кристальную чистоту веры, фанатичность, работоспособность – стала моя старшая двоюродная сестра Лена Кутовая. Лена повторила судьбу тети Шуры. И я бы сказала, что судьба Лены была даже более гротескной, трагичной, чем у тети Шуры – ведь моя сестра рано ушла из жизни, не успев отдохнуть от своих забот. Тут мы перекидываем мостик уже к другому, более молодому поколению.

Лена Кутовая родилась в очень культурной и любящей се-

мье в том самом городе Славянске, который стал поворотным в судьбе многих Кутовых. Замечательные родители Лены дядя Коля Кутовой и тетя Галя жили в обычном двухэтажном доме, на зеленой цветущей улице Карла Либкнехта. Я бы сказала, что эта улочка просто утопала в провинциальности. На ней обитали в основном еврейские семьи, погруженные в создание своего тихого быта. Я бывала у дяди Коли и тети Гали в гостях. В этой семье всегда читали книги, любили философствовать, размышлять о поисках смысла жизни – я тоже принимала участие в этих высоко интеллектуальных беседах. И мне нравилось, что все это было по-настоящему, наши разговоры не были пустозвонством, полубогемной болтовней. Нет, это было глубоким самоанализом. Дядя Коля и тетя Галя направляли нас с Леной по жизни, они хотели, чтоб мы состоялись как личности.

Лена с отличием закончила школу и уехала учиться в Киевский политехнический институт. Я приезжала к ней в Киев, жила с ней в студенческом общежитии. Лена вела себя как пацанка – любила мужские компании, простоту и прямо-ту в общении, спорт. Подчеркивание женственности она считала мещанским явлением и говорила о том, что ее подружки с улицы Карла Либкнехта только и думали, как о замужестве. Мне показалось, что парни по духу были ближе Ленке, парни-друзья – они строили грандиозные планы переустройства энергетической отрасли Украины, в которой планировали работать после окончания вуза. Лена тоже хотела вне-

сти свою лепту в создание передовой промышленности своей родины и не помышляла о семье. Потом Ленка с ответным визитом прилетала ко мне в Ленинград, присутствовала на наших журналистских посиделках. Мы читали стихи, свои рассказы, пели свои песни под гитару – и это, как ни странно, поразило Лену. Ей показалось тогда, что мы сложнее и умнее ее киевских товарищей по институту, увы, она даже не заметила, что часто это было полубогемной болтовней, которую очень любят в Питере, фразерством. Одним словом, физикам не хватает лирики, лирикам не хватает физики.

А по поводу «пацанства» Ленки, ее нежелания строить семью и всю себя отдавать только работе, и ей одной, оказывается, я была не права. Оказывается, это была только форма поведения на публике, защитная реакция. Я узнала об этом гораздо позже. В жизни Лены была настоящая большая любовь, это было как раз в студенческие годы. Она полюбила парня, достойного себя, – легчика-испытателя, храброго, сильного человека. Назовем его Юрием (Лена не раскрывала его имени). Лена и Юрий любили вдвоем гулять по платановым аллеям Киева, любили театры, книги, разговоры. И мечтали создать семью по окончании вуза. Потом немного повздорили как это часто бывает при притирке характеров. Окончив вуз, Юрий уехал из Киева, Лена еще училась. Но они стали писать друг другу письма.

Однажды от Юрия пришла телеграмма. Кратко приведу ее текст (телеграмма попала ко мне только после смерти

старшей сестры). Думаю, Лена и Юрий не обидятся на меня, обоих уже нет в живых и делаю я это только для того, чтоб подрастающее поколение наших детей и внуков знало, какой сильной и нравственно чистой может быть любовь: «все-таки разыскал тебя прости но мне трудно жить без тебя твоих неразборчивых писем разреши мне приехать я сейчас командировке Москве остановился сестры адрес телефон ты знаешь через две недели должен лететь Хабаровск я все еще люблю тебя»

Лена позвонила Юрию, они договорились о встрече. Но свидание влюбленных не состоялось. Юрий погиб при исполнении служебных обязанностей. А Лена сохранила к нему чувство, пронесла через всю жизнь. Может быть, кто-нибудь скажет, что это было просто чувство вины – ведь она скрывалась от него, мучала его, и наконец, она осталась жива, а он погиб совсем молодым. Но, может, и было чувство вины, почему нет, но оно не мешает любви. Всем известно, что в юности любовь бывает очень сильной, особенно та, что соответствует идеалам, вычитанным из книг. Наши родители учили нас так любить. И позже Лене ни разу не встретился такой честный и храбрый парень как Юрий.

После окончания института Лена стала работать инженером-регулирующим на машиностроительном заводе в Киеве, затем стала начальником отдела. И когда в 1986 году случилась авария на Чернобыльской АЭС, Ленка не раздумывая присоединилась к движению ликвидаторов аварии.

Она была утверждена в должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Славутического Горкома партии, работала она и на других партийных постах. Наша Лена Кутовая вместе со своими товарищами была одной из тех, кто участвовал в проектировании и строительстве самого молодого города Украины – города Славутича. Славутич – это древнеславянское название Днепра. Решение о строительстве нового города для постоянного проживания работников Чернобыльской АЭС и их семей было принято 2 октября 1986 года. Строили город 8 советских республик, моя сестра тоже принимала в этом активное участие. 26 марта 1988 года был выдан первый ордер на заселение в квартиру.

Славутич – город областного подчинения, находится всего в 10 километрах от Киева. 50 километров западнее Славутича расположена Чернобыльская АЭС. Это междуречье Десны и Днепра, сосновые леса и большие кукурузные поля. Начиная с 1986 года и до последних дней жизни Лены ее имя было связано с Чернобыльской АЭС. Она отдала свои молодые силы ликвидации аварии и возведению нового города. Ее усилия заметили в Киеве, Лена была приглашена на работу в Верховную Раду Украины. Лена работала в Департаменте по атомной энергетике.

Прошло 22 года со дня страшной Чернобыльской аварии, которую окрестили «аварией XX века». Страх перед радиацией начал рассеиваться. И кое-кому даже пришло в голову сделать ЧАЭС туристическим объектом. Корреспондент Би-

Би-Си взял интервью у моей сестры, в 2008 году она была главным консультантом комитета Верховной Рады по вопросам экологической политики, природопользования и ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Елена сказала:

– После того, как в Чернобыле рванул четвертый реактор, на АЭС была масса отходов. Среди них не только отработанное, но и свежее ядерное топливо. Семь с половиной лет длилась только выгрузка топлива. Сейчас ЧАЭС ждет консервация оборудования, которое тоже является источником радиации. После этого надо выдержать еще 80 лет, чтобы прошел период полураспада основных элементов.

Прочтя эти строки из интервью, я осознала степень угроз этой аварии, последствия которой до сих чувствуют на себе те люди, которые живут в зоне отчуждения. Оказывается, еще 80 лет ЧАЭС будет угрожать здоровью людей. А то, что моя сестра была очень жестким и категоричным человеком, я поняла по ее высказываниям. Она сказала в этом интервью, как отрезала:

– Сейчас устраивать из зоны отчуждения зоопарк я бы не стала. Там по-прежнему опасно, так что это не шутки. Многие ездят в зону отселения на могилы предков, но за это брать деньги безбожно.

Это интервью было сделано в 2008 году. Текст его до сих пор висит в Интернете. Это и понятно почему, ведь в нем поднимаются насущные проблемы Славутича, ЧАЭС, эколо-

гических катастроф. В 2010 году я общалась с Леной по телефону. После смерти моей мамы она помогла мне собрать ее документы в селе Золотоноша Драбовского района Украины, где моя мама родилась. Хотя нет, теперь это уже не село, теперь это красивый зеленый город в Черкасской области. Тогда в телефонном разговоре Лена сказала мне, что скучает обо мне и мечтает о встрече. Но, к сожалению, после этого разговора наша связь прервалась – закружили дела. А потом я узнала от родственников, что Лена умерла. Думаю, Лена Кутовая получила определенную дозу облучения на ЧАЭС, сказались ее постоянные поездки в «зону отчуждения». Но она никогда не жаловалась на жизнь, потому что была железным человеком. Для меня Лена – герой своего времени, как бы пафосно это не звучало. Не забудем и о том, что ее Юрий тоже был героем и ей хотелось во взрослой осознанной жизни соответствовать ему. А ее последние слова, что «она скучает обо мне и ждет встречи», я сохраню в своем сердце навсегда.

Однажды моя мама сказала мне:

– Знаешь, как трудно наша семья жила в войну?! Но война нас закалила. Иногда я даже думаю: от того, что мы выдержали войну, позже удачно сложилась наша трудовая судьба, мы ведь умели преодолевать трудности. Это мой отец, Валериан Филиппович Кutowой сумел сохранить нашу семью во время войны. А иногда я думаю, что на юге было чуть-чуть проще выживать в войну: мы ели дыню с хлебом, арбу-

зы и главное – кукурузу. Кукуруза нас спасла, она ведь очень сытная и полезная. Я помню, как мы бежали по кукурузному полю, желтому от солнца, как собирали початки, мы их потом коптили, жарили и ели. Мы шли *правее на солнце, вдоль рядов кукурузы* и мечтали о победе и мирной жизни. Мы почему-то знали, что проживем хорошую жизнь.

На этом небольшом, но ярком воспоминании своей мамы мне и хотелось бы закончить повесть о Кутовых, «железных людях». Каждый из них, моих родственников прожил и проживает достойную содержательную жизнь. В школе нас учили: в жизни всегда есть место подвигу. Подвиг – он ведь имеет множество модификаций. Сражаться на фронтах войны в коннице Будённого – подвиг. Строить железную дорогу в войну, жертвуя своей жизнью и отдавать при этом хлеб младшим братьям – подвиг. Работать на опасном участке железной дороги, много лет, изо дня в день – тоже подвиг, каждодневный трудовой подвиг. Может быть, не столь яркий и бросающийся в глаза, как, скажем, сражение с шашкой наперевес на стремительном всаднике. Старшее поколение сумело передать нашему поколению – детей, рожденных в СССР, свои ценности. И мы сумели их воспринять. Согласитесь, что отважиться ликвидировать последствия страшной экологической катастрофы на ЧАЭС – это подвиг. Устранить неполадки на подводной лодке, рискуя здоровьем – подвиг. Точно также подвигом я хочу назвать каждодневное жертвенное посвящение себя старшему родственнику в течение

долгих лет, в ущерб иногда своим личным интересам.

Наверное, читатель заметил, что пару раз я упоминала кукурузное поле. Это упоминание идет рефреном по всей повести. Спросите почему? Это образ, который мне нравится. Герой наших дней, поколения нулевых Дамир Юсупов, спасая 233 пассажира, жестко посадил самолет, используя один движок, потому что оба двигателя вышли из строя. Он просто хорошо сделал свою работу, но люди заявили, что он был бесстрашен. Когда самолет уже сел на кукурузное поле, пассажиры сами выбрались из него. Бортпроводник крикнул им: «Идите правее на солнце, вдоль рядов кукурузы...» Мне нравится этот светлый конец, эта вера в торжество жизни, этот радостный крик. И посему героини моей повести – а они все у меня по-своему героини – тоже *всегда идут правее на солнце, вдоль рядов кукурузы...* Пафосно скажу, но хочу, чтоб все запомнили – это тропа победителей, тропа настоящих людей.

Магистраль века – магистраль любви

За окном поезда притаилась рождественская ночь, 7 января 2020 года. Такая темень, что глаз можно выколоть. Уютное купе совсем нового поезда. Вагон покачивается на рессорах, амортизирует и быстро едет, разрезая плотную тьму ночи – сквозь серебристые снега, тайгу и морозный туман. Граненые стаканы позвякивают на столе. В вагоне нас только четверо: мы с Сандрой в нашем купе, сосед за стенкой и про-

водница. Мы едем по маршруту «Нижний Бестях – Нерюнгри», это «кусочек» Байкало-Амурской магистрали, введенный в эксплуатацию в июле 2020 г. Сбылась мечта долгих лет моей жизни – прокатиться по Якутии, по своей малой родине на пассажирском поезде. Сколько я мечтала об этом? Вы не поверите, почти 40 лет, начиная со студенческого возраста.

Сандра спит на нижней полке, тихо посапывая. А я неотрывно смотрю в окно. Что же так увлекает меня в ночном пейзаже, спросите вы? Отвечу: необычность ситуации. Раньше, когда я путешествовала в поездах, в центральных районах страны я видела в окно, даже ночью – асфальтированные дороги, здания городов и избышки сел, огни фонарей и фар, мосты, ухоженные поля, постройки, одним словом, артефакты жизнедеятельности людей. Что же я вижу сейчас, в рождественскую ночь из окна первого пассажирского поезда на якутской земле, идущего от ее столицы? Я вижу бесконечные снега, огромные поляны и густой лес. Славная зимняя сказка. Но иногда в окне буквально вырастают, появляются из ниоткуда деревья-великаны, огромные развесистые исполины. Становится страшно! Они, великаны – словно смотрящие леса, его молчаливые стражи, а, может, чьи-то застывшие души.

Мы отъехали от станции Алдан в 22.39. Теперь у меня на часах – 1 час 16 минут. И до сих пор я наблюдаю в окно только снежную порошу в чистом поле – дикая замороженная земля! И вот, наконец, промелькнули признаки жизни –

маленький домик на фоне леса, одно светящееся окно, женщина-дежурная по поезду со специальным жезлом и сигнальным рожком встречает поезд, подняв руку вверх, рядом – две собаки, белая и черная. Дом, женщина и две собаки – вот такой таежный романтизм. Поезд проскакивает мимо женщины в ночи и снова начинаются безлюдные поля и леса. «И как же она здесь живет? И сколько же мы еще будем ехать до следующего дома?» – думаю я. И замечаю очень далеко, за десятки или сотни километров, в перспективе несколько светящихся огней.

Я иду к проводнице, она бодрa, несмотря на глубокую ночь. Проводница по имени Жанна рассказывает мне, что мы проезжали Разъезд Таежный. А мерцающие и прыгающие огни вдальеке – это фары машин дальнoбойщиков с автотрассы Тит, самой опасной в Якутии.

– Огни эти очень далеко, это только кажется, что близко, – уточняет проводница. – Сюда, на разъезд даже медведи заглядывают. Человек, особенно одинокая женщина с собаками может выдержать в этих условиях примерно месяц, а потом, ей на смену приезжает другая вахта.

В 4.30 мы прибываем в Нерюнгри. Я покупаю стакан чая и собираюсь продолжить свои наблюдения.

– Лучше ложитесь спать, – советует Жанна. – За оставшиеся 2 часа мы проедем еще 1-2 глухих разъезда, и все. Никаких населенных пунктов здесь нет. Это на переходе «Нижний Бестях – Алдан» много станций: Олень, Кюргелях, Ам-

га, Томмот, Куранах и др. Вдалеке там еще горят огни с золотоносных рудников, со старательских артелей. А здесь – никого...

Уже дома, после своего железнодорожного путешествия я уточнила у дальнобойщиков про перевал Тит. Дальнобойщики единогласно, все как один заявили, что это просто страшное испытание – Тит, он составляет 1300 километров, проходит по границе Алданского и Нерюнгринского районов, состоит почти полностью из наледей. Переехать, миновать эти наледи – особое шоферское искусство. Молва дальнобойщиков окрестила это место Дунькиным пупом. Сказывали, что во всей округе жила только одна баба – Дунька. За ней ухлестывали все мужики, назовем их «ковбоями дальнобоя». Дунька поставила условие: наполните мой пупок золотом, подарю вам ночь любви. Пупок у нее был глубокий. Одним словом, вокруг Тита ходит масса легенд, а я хочу добавить, что подобных ледовых перевалов, коварных, труднопроходимых и при этом еще и неизвестных немало на Крайнем Севере.

В этой ретро-повести мне хотелось бы общими штрихами описать историю строительства Байкало-Амурской магистрали, этапы героического пути, слишком большое влияние она оказала на мою судьбу и на судьбу поколения 70-х. В то же время это не документальная повесть. В ней даты строительства магистрали просто обозначают некие поворотные моменты в судьбе стройки и в моей судьбе, так совпадало.

Мне интересно проследить эволюцию эмоций и страстей, которые разгорались во время строительства БАМа, эволюцию встреч и расставаний с разными интересными людьми, судеб, которые складывались на БАМе или, напротив, разрушались из-за него. Мне интересно, что осталось и сохранилось в памяти людей 40 лет спустя со дня начала строительства БАМа, а что безвозвратно ушло, кануло в реку времени.

...Мое увлечение БАМом началось еще в студенчестве, это были благополучные советские 70-е. В ту пору я была студенткой факультета журналистики Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, мечтала зарекомендовать себя репортером на БАМе. И мне повезло – меня послали на практику в газету БАМ, в Тынду, точнее, я сама этого добилась, а оттуда направили в командировку в ССО «Высота». Я работала в стройотряде «Высота» Оренбургского политехнического института, мы строили Гилюйский мост, на 208-м километре магистрали. Я писала из стройотряда бойкие репортажи в газету «БАМ», а потом осмелилась послать свои материалы в «Комсомольскую правду». Осенью 1977 г. мы сдали Гилюйский мост в эксплуатацию.

Тында в 70-х напоминала мне скорее рабочий поселок, чем город, хотя в ноябре 1975 года ей был присвоен статус города. Это был разноцветный, многоголосый и очень динамичный населенный пункт. «Архитектура» его была весьма своеобразной: город-поселок почти полностью состоял из временного жилья, ютились в вагончиках, которые называли

«бочками Диогена». В центровом бамовском поселке все менялось со скоростью света – люди приезжали-уезжали, объединялись в бригады, стройотряды. Скандировались громкие лозунги, которые повсюду были написаны. Мы жили этими лозунгами и по ним сверяли свою жизнь. «Даешь Тынду!», «Даешь Могот!», «Даешь Чару!» Тында была пропитана атмосферой всеобщего энтузиазма. Мне нравилось, что энтузиазм был неподдельным.

В Тынде 70-х у меня жили очень хорошие друзья, представители местной элиты – Марк Борисович Шульц и Ирико Олеговна Шульц. Марк Борисович возглавлял Дорожное ремонтно-строительное управление №1, был крепким хозяйственником. Ирико Олеговна работала директором музыкальной школы, она открыла в их доме что-то вроде музыкально-литературного салона, к ним приходили в гости почти все известные деятели искусства, которые прилетали на БАМ с культурной программой. Со многими известными людьми я познакомилась именно у Шульцев. В 80-х, когда БАМ уже построили, я прибыла из Якутска в праздничную Тынду на своей «Волге» – несколько дней мы с другом мчались по тайге, иногда «отжимали» 100 с лишним километров в час, но успели прямо к открытию митинга по завершению строительства БАМа. Наша «Волга» подкатила к праздничной толпе и трибуне как раз в тот волнительный и судьбоносный момент, когда на трибуну вышел член ЦК КПСС В.И. Долгих, чтобы объявить о завершении строительства маги-

страли века. Это был подъем, эйфория, восторг, в сотни раз увеличенные тем, что мы стояли в толпе. Большой БАМ был построен, железнодорожные пути соединены с Транссибом, мы получили выход на Тихий океан, к порту Ванино и другим портам Приморья – сбылась заветная мечта многих советских людей. Это была победа! Может быть, это громкие слова, но это была победа советского духа, советского менталитета, советского образа жизни.

Прошло больше 30 лет после пуска в эксплуатацию основной ветки БАМа, по ней уже всю ходили и грузовые, и пассажирские поезда. Мы с братом Сергеем Шеиным решили проехать по БАМу, нам захотелось тихо-мирно сидеть в обычном плацкартном вагоне и постоянно смотреть в окно, попивая чай. Хотелось увидеть железнодорожные вокзалы всех знаменитых станций, которые когда-то гремели славой по Союзу – Нагорная, Золотинка, Куанда, Чара, Могот, Хорогочи и др.

И вот в июле 2017 года мы отправились в путь. Начали свой вояж «Воспоминание» с Тынды. Кто-то сказал мне в дороге, что Тында – это небоскребы в тайге. Должна вас немного разочаровать, Тында – это низкорослый город. Впрочем, вполне симпатичный и комфортный. Самое красивое место в ней – это, конечно, Железнодорожный вокзал. Здание вокзала состоит из каких-то полусфер, эркеров, выступов, внутри, посередине зала – фонтан, причудливые лестницы. И еще впечатляет здание мэрии, в самом центре города, темно-тер-

ракового цвета, с этажом свободных колонн, нарядное. К нему мы, конечно, подошли, то есть специально приехали на автобусе. Издалека я увидела памятную табличку на стене Мэрии и у меня заняло сердце. Я догадалась, кому она посвящена. На табличке было начертано: «В этом здании с 1996 года по 2013 год работал первый мэр города Тынды, Почетный гражданин г. Тынды М.Б. Шульц». С рисунка на меня смотрело знакомое лицо – лицо интеллигентного человека, москвича по рождению и по воспитанию, отдавшего свою жизнь без остатка столице БАМа. Я поняла, Шульц никак не мог вернуться в Москву – ему все время было некогда, надо было построить хороший город в тайге, вот это было смыслом его жизни. Родители Марка Борисовича Шульца, Борис Маркович и Татьяна Моисеевна, с которыми я тоже была знакома, воспитали его так: если берешь обязательства – выполняй их до конца. Если откажешься от своих обязательств, значит, ты не человек слова, удача отвернется от тебя. Забегая вперед, отмечу, в музее, который мы посетили в Тынде, Марка Борисовича называли «приземленным реалистом», а я бы назвала его «романтичным практиком». Но я так считаю, потому что слышала, как он читает стихи вместе с известными поэтами, которые посещали его дом, как рассуждает о прочитанных книгах и философствует, как умеет шутить. Шульц проработал мэром города Тынды 18 лет и был признан самым долго-работающим и самым продуктивным российским градоначальником.

В Тынде мы с братом изучили Музей истории БАМа. Я сразу обратила внимание на фотографию, которая облетела весь мир – на ней множество людей, рабочих-мостостроителей и туннелестроителей, путеукладчиков, комсомольских лидеров и просто жителей бамовских поселков обнимаются, целуются, подкидывают шапки вверх, захлебываются от собственной эйфории. Это фото сделано после стыковки «золотого звена» на станции Куанда Большого БАМа, Северобайкальского региона магистрали. До Тынды 789 километров. На стыковке сошлись две бригады – А. Бондаря и И. Варшавского, они шли навстречу другу, прокладывая рельсы и шпалы сквозь тайгу. Это было 01.10.1984 года. «Где они сейчас, Бондарь и Варшавский? Вот бы встретить их, спросить, что они испытывали в тот момент? Как сложилась их жизнь после этого фото...» – думаю я, внимательно разглядывая застывшие в ликованиях лица. Я бы сказала, лучшие лики советской эпохи. Мне интересны факты и артефакты в судьбе конкретного человека, сплетение судеб, путь доказательства своей силы.

Затем брат утянул меня в зал, посвященный БАМлагу. В музее мы узнали, что идею строить БАМ с использованием труда заключенных подал Сталину Нафталий Аронович Френкель. Это был украинский еврей, работающий и умный, он был осужден в свое время, сослан на Соловки, потом работал на Беломорканале. Именно работа на Беломорканале способствовала тому, что Френкель укрепился в идее по-

строить БАМ в тайге, в невыносимых условиях зимних холодов и летнего гнуса с помощью заключенных. Сталин подписал приказ о строительстве БАМа в 1932 году. Планировалось закончить стройку через три года. Штаб БАМлага располагался в г. Свободный. Руководил БАМлагом Френкель, в течение 14 лет. Френкель дослужился до генерал-лейтенанта инженерно-технической службы. Был одним из руководителей ГУЛАГа. Строительство БАМлага подчинялось ОГПУ, Москве, очень жестко контролировалось. Лаврентий Берия был постоянно недоволен. Построили лагерь для заключенных, в нем жили 1700 человек. Строили дорогу ударными темпами, никто никого не жалел. Люди постоянно умирали от голода, холода, переработок. Заключенные не только строили железную дорогу, но и добывали уран, «вкалывали» на штольнях. Но им, между прочим, даже грамоты выдавали от начальства БАМлага, я, к примеру, видела Грамоту «Лучшему ударнику БАМа», выданную в 1934 году. Первый поезд по свежей, вновь построенной дороге пришел в поселок Тындинский в 1937 году.

Это была первая страница строительства БАМа, не очень, конечно, веселая и праздничная. Можно назвать ее предисторией, ведь в войну железные пути разобрали на нужды фронта и БАМ так и не заработал. Или окрестим это генеральной репетицией строительства магистрали века. Все равно стоит признать, что Сибирь, Якутия – это место лагерей, заключенные возводили не только БАМ, отдавая

ему свои несчастные жизни, но и Колымскую трассу, Амуро-Якутскую автомобильную магистраль. Если ехать по Якутии не на поезде, а на машине, то повсюду встречаются останки страшных советских лагерей – черные заборы, черные бараки, черные котельные, в которых сжигали трупы...

В других залах богатого музея мы узнали, что строительство БАМа восстановили только в 70-х годах XX века. Активное строительство БАМа началось 8 июля 1974 года после принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве железнодорожной магистрали. БАМ был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Сюда приезжали по комсомольским путевкам отчаянные сердца, храбрые души. Это был расцвет социализма и вера в социалистическую экономику, поэтому БАМ должен был быть возведен в рекордные сроки – такие условия поставили партия и комсомол. В музее были отражены вехи строительства Большого БАМа: первое звено в Тынде-Чаре, серебряное звено в Хорогочи, золотое звено в Куанде, строительство тоннелей. Первый рабочий поезд пришел в п. Тындинский 8 мая 1975 г., рельсы были уложены к 30-летию Победы. Мне было приятно вспомнить громкие имена БАМа – Мохортов, Гвоздевский, Варшавский... Это была, по-моему, вторая страница строительства БАМа, в которой я приняла небольшое посильное участие – писала репортажи в газету БАМ. Я, впрочем, приняла участие и в третьем этапе возведения БАМа, теперь это уже называлось Малый БАМ. «О

Малом БАМе прочтем в Нерюнгри», – заявил брат, потому что нам нужно было выделить время для прогулок по городу, вечером наш поезд уже должен был направляться дальше по магистрали века.

Мы прошли по центральной улице Тынды Красная Пресня. И добрались до замечательного памятника БАМу, отличного примера советского модернизма, которого почти не было в СССР, но здесь он проявился – огромный серебристый человек-молотобоец, не совсем пропорциональный, с молотом, поднятым вверх стоял посередине улицы. В чем суть? В том, что исполин, монумент воспекает прежде всего человека труда, поднимает его до небес. Это правильно! Все равно главный на БАМе – человек труда, комсомольцы и коммунисты были идеологической подпиткой стройки, «надстройкой». Не умаляю их значение, они сделали немало, но дорогу возвели бесстрашные молотобойцы. Мы пообедали и вернулись на железнодорожный вокзал, но в пустом вагоне как-то не сиделось. Я предложила невестке проехаться на обычном автобусе от одной конечной остановки – до другой. В глубине души мне хотелось увидеть дом Шульцев, хотя бы издалека.

Мы сели с Зинаидой в автобус №5 и поехали колесить по городу. «Экскурсия» длилась один час и, надо отметить, получилась хорошей. Я увидела, как разросся город, раскинулся по сопкам, вдоль реки. Правда, не чувствовалось руки главного архитектора города, квартал был не похож на квар-

тал, все выглядело так, как будто районы различных построек наслаивались друг на друга хаотично, без всякой логики. Еще сохранились вагончики, бараки – жилье первостроителей. Но вдалеке, на сопках мы узрели очень нарядный комплекс домов с одинаковыми крышами терракотового цвета. Мы с Зинаидой решили, что это, пожалуй, лучший район, по крайней мере, внешне. И тут в разговор вмешался шофер автобуса, который невольно стал свидетелем нашей беседы.

– Строительства этого квартала добился Марк Борисович Шульц, наш бывший мэр, – уважительно отозвался шофер. – Люди устали жить в бараках. БАМ давным-давно построили, сколько можно «надеяться и ждать»?! Шульц добился встречи с А. Медведевым и в открытую заявил ему, что нужно срочно возводить новые благоустроенные дома для бамовцев, иначе они умрут, так и не узнав, что такое комфортное жилье, теплый санузел и др. Медведев выделил деньги на благоустроенный жилой комплекс для бамовцев. Если бы не Шульц, люди бы так и жили во временном жилье, которое было для них, по сути, постоянным. Мэра у нас любили и до сих пор помнят.

– А Ирико Олеговна она, наверное, после смерти супруга вернулась в Москву? – задала я вопрос, даже не надеясь на ответ.

– Нет, она по-прежнему живет в их частном доме и по-прежнему работает директором музыкальной школы, – ответил шофер. – Ей около 80 лет, но она жизнерадостна и адек-

ватна.

И тут же я пожалела, что не узнала об этом заранее, мы могли бы с ней встретиться. Но жалеть было поздно, наш поезд вечером уже уходил на Нерюнгри. Я не выдержала и снова спросила: может быть, водитель знает, где жил мэр, может, мы увидим его дом?

– Так вон его дом, в районе ДРСУ, за рекой, – невозмутимо ответил шофер.

И я сразу же все вспомнила: район ДРСУ, мост через реку, длинные переезды, поселок Тындинский, который еще не привык к статусу города, заполненный веселыми строителями рейсовый автобус – и я еду на нем до своей редакции. Редакция газеты «БАМ» располагалась в тесном неаккуратном вагончике, печатали на старых массивных машинках, повсюду стояли чашки с недопитым кофе. Далекая юность... Да, не успевалось заехать в район ДРСУ, но хоть вспомнилось, реконструировалось в памяти. И на том спасибо.

Ночью, когда все спали в вагоне, я сфотографировала Гилюйский мост. Еле успела, чуть не проспала. Успела увидеть в темном квадрате окна обрывок слова «...люй». Спросила у проводницы, и она подтвердила, что это был Гилюйский мост. «Гилюй» переводится с эвенкийского как «сильный», «смелый». «Люй, люй, люй» – постукивали колеса поезда, я уснула под эту сладкую песню. Но брат растолкал меня и заявил, что надо смотреть в окно и встречать все станции, которые буду попадаться по пути. И каждую станцию надо

приветствовать негромким радостным возгласом или ударами стаканов с чаем друг о друга – ведь для этого мы и отправились в железнодорожное путешествие.

Мы устроились с братом у окна и стали смотреть. Увидели прекрасную природу: поезд шел по возвышенности, высоко над уровнем моря, кругом были заливные поляны среди высоких сопок. Хотелось воскликнуть: «Ты посмотри, какая красота!» Евгений Гришковец на одной из писательских встреч отметил, что наши люди, когда наблюдают за природой из окна поезда, обязательно говорят эту фразу. Мы проехали Разъезд «Якутский» – по названию уже было ясно, что поезд вступил на территорию нашей республики. Мы с братом «чокнулись» стаканами с чаем, узорчатые подстаканники звонко отозвались на легкое прикосновение в ночной тишине вагона. «Что-то станция не очень, – разочарованно протянул брат. – Наверное, торопились ввести в эксплуатацию. А интересно, есть ли еще такой красивый вокзал как в Тынде?»

Ночью мы проехали станции Нагорная-Якутская, Золотинка, Беркакит. Самым впечатляющим был железнодорожный вокзал в Золотинке: на фасаде вокзала были установлены большие часы, вместо цифр были сделаны барельефы животных. А те, кто ездил по Забайкальскому участку пути в сторону Тынды, говорили, что самый оригинальный вокзал на станции Новая Чара: это серебристый срез огромного рельса, поднимающегося над зданием. Может быть, этот

срез символизирует «серебряное звено». Известно, что делать «серебряное звено» в начале стройки – это старая путевская традиция. Звено просто красят в серебристый цвет, но все верят, что это «серебро». Мы снова «чокнулись» с Сергеем стаканами за то, что, наконец, добрались до новой станции на якутской земле, до Золотинки и стали бурно обсуждать увиденное. И вдруг услышали громкий шепот соседа по плацкарту – он проходил по вагону мимо и решил внести ясность в наш ночной разговор.

– В Золотинке завод закрыли. Люди уезжают, бросают непроданными квартиры, стремятся в те места, где есть работа и более спокойная жизнь. От энтузиазма не осталось и следа... Какая разница – симпатичный вокзал или нет, а внутри-то этих бамовских поселков сплошная разруха! – так сказал случайный сосед и скрылся где-то в темном коридоре, оставив нас с Сергеем в состоянии задумчивости. «Да, – подумала я про себя. – Не стоит судить поверхностно. Надо, действительно, смотреть глубже: изучить, как живут люди в бамовских местах, есть ли у них работа, довольны ли они инфраструктурами...»

С утра мы приехали в г. Нерюнгри, главный город Малого БАМа, столицу Южной Якутии. На календаре было 27 июля 2017 года. Вокзал здесь был помпезный, большой: черные колонны оттеняли белый камень, белую плитку, которой были выложены стены. Нерюнгри мне понравился больше, чем Тында и даже показался более «столичным»: ули-

цы поднимались на сопки и извилисто, причудливо спускались с них. Проспекты были широкими. Отстроили много зданий с архитектурой в стиле модерн, особенно в центре города – это делало облик города современным, подчеркивало его необычность. Не просто город, а угольная и железнодорожная столица Якутии, город, в котором сосредоточены богатства республики: коксующиеся угли, высококачественная железная руда. Здание Администрации города возвышалась на небольшой четырехугольной площади, окруженной зеленью, небольшим парком. Голуби прыгали по площади и взмывали в чистое небо. В этом городе был некий шарм, почти не ощущаемый в рабочей Тынде.

Моя творческая карьера начиналась когда-то с Нерюнгри. Я приехала в газету «Индустрия Севера» по распределению, после окончания ЛГУ, в 1979 г. Мы дружили тогда втроем: я, Нина и Толя. Нина и Толя приехали с Украины, Нина – с города Сумы, Толя – с Мукачева. Мы собирались втроем и спорили, спорили просто до хрипоты и до приступов кашля: последний случался потому, что в ту пору мы курили, Нина вообще не выпускала сигарету из пальцев. Тем для споров было, собственно, две: нужен ли комсомол как управляющая сила для возведения города и второе – сможем ли мы построить красивый город, такой же, как на западе страны, в местах с открытыми угольными копями? Помню, я приводила пример Мирного, который «застрял» на уровне 50-х: весь центр алмазной столицы до сих пор состоит из бараков. Так и хо-

чется спросить: кто-нибудь выделял деньги от продажи алмазов на строительство жилых домов? Мы приходили к Нине в гости, пили кофе, в окно был слышен рев Белазов, Магиусов и множество других звуков рабочего поселка, пыль, уголь, мусор летели в глаза, проникая через открытое окно... А мы все спорили. Мы были немного влюблены друг в друга и в наши посиделки, поэтому так часто встречались. Мы все приехали в Нерюнгри, окончив университеты, кардинально поменяв среду обитания. Нам всем хотелось состояться как личности. Где они теперь, Толя и Нина? Вот бы встретиться посидеть втроем и обсудить итоги: придется констатировать, что комсомола больше нет, но не будем преуменьшать его роли в развитии общества, по крайней мере, в строительстве Нерюнгри. Однако есть повод и для торжества у нас троих: город построили замечательный, зря мы переживали, что это невозможно сделать.

В Нерюнгри мы с братом сходили в Музей освоения Южной Якутии. Музей оказался не хуже тындинского, в нем хранится 80 тысяч экспонатов. Конечно, можно было изучить традиции жизни эвенков-ороченов – ведь это им мы должны быть благодарны за такое экзотичное название – Нерюнгри, что означает «тысячу хариусов». Но все же нас интересовал прежде всего БАМ. Малый БАМ не такой уж и «малый», это 222 километра – от Тынды до Беркакита. Кроме того, эта трасса намного сложнее, нежели те участки БАМа, которые проходят по более теплым краям – Забайкалью, Читинской

области, Приморскому краю. Здесь коварнее грунт, сложнее ландшафт – Становой хребет, много рек – Тында, Гилюй, Иенгра, Могот, Тимптон. И, конечно, здесь очень сурова зима.

Мы изучили фото п. Нерюнгринский, 1972 года – низкие домики, высокие сугробы. Целый стенд был посвящен тоннелю Нагорный, который был пробит в толщах Станового хребта на высоте более 1000 м. над уровнем моря. Сейсмичность Станового хребта составляла 8 баллов. Первый отряд на строительство тоннеля прибыл в апреле 1975 г. Длина тоннеля – 1340 метров. В музее есть фото встречи первого поезда на Разъезде Якутский, которая состоялась 2 ноября 1976 года.

Знаменит на БАМе также Северомуйский тоннель, самый длинный железнодорожный тоннель в России. Его длина – 15 343 м. Подготовительные работы по тоннелю также были начаты в 1975 году. Два тоннеля строили параллельно, но возведение Северомуйского тоннеля затянулось на 26 лет. Горнопроходческие работы длились два года. Строительство осуществляло ОАО «Бамтоннельстрой». Здесь тоже были свои звезды и свои герои, значение которых не стоит преуменьшать. Так, в 1982 г. бригада В.Р. Толстоухова установила всесоюзный рекорд проходки. Работы велись в сложных геологических и гидрологических условиях. Опасно было перенапряженное состояние пород, или высокая сейсмичность, а также высокая концентрация радона, рентгеновские

излучения. Но люди преодолели все – за месяц Толстоухов прошел 171,5 метра тоннеля. В постоянную эксплуатацию тоннель пустили 5 декабря 2003 года. И эта же дата считается официальной датой окончания строительства Большого и Малого БАМа. Все пути соединились в единое целое, в извилистую, но крепко пригнанную друг к другу стальную линию магистрали, которая вышла из тайги – к Тихому океану. Три страницы летописи магистрали были написаны, убористым почерком, закончены, герои поставили на них свои трудовые автографы.

На второй день «путешествия в прошлое» в Нерюнгри мы съездили к разрезу Денисовский, который принадлежит сейчас компании «Колмар», подъехали еще к зданию «Якутугля», которым владеет компания «Мечел». На речке Малый Нахот наслаждались чистой горной водой и обточенными камешками, наш водитель свозил нас еще на смотровую площадку с шаман-деревом, с которой просматривалась перспектива города. Но более всего мне понравился памятник Первостроителям – это были парень и девушка, с волевыми красивыми лицами. Эти люди были «красивыми изнутри», потому что верили в свои идеи. Я подумала: повезло тем, кто приехал в Нерюнгри, в 1972 году, работал, старался и город построился у него на глазах. Этот человек может сказать детям и внукам: «Я построил город». Ведь жизнь должна состоять из воплощенных идей, даже если кончается смертью.

У БАМа была еще четвертая страница истории, и я тоже

вписала в нее несколько заметных строчек. Четвертая страница возведения магистрали века – это укладка железнодорожного полотна на вечной мерзлоте, на участке Нижний Бестях – Нерюнгри, то есть продолжение Малого БАМа, его дальнейшее продвижение на территорию Республики Саха (Якутия). В какой-то мере этому участку пути повезло меньше других – уже не было СССР, мощного притока на стройку комсомольцев-добровольцев, ударных комсомольских строек. Постоянно писалось в СМИ, что на стройку не хватает денег. Подобные публикации даже набили оскомину. После 1989 года, то есть после перестройки строительство заморозили, и никто толком не знал-не ведал, когда же его продолжат. Прошло около 20 лет, когда на этом участке пустили грузовое движение. Тогда в Якутию по случаю пуска в эксплуатацию станции Нижний Бестях прилетал президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев. Я хорошо помню морозный ноябрь 2011 года. Дмитрий Анатольевич стоял без шапки, смотрел на тайгу, на свежее железнодорожное полотно и ревущий поезд. Возможно, это было одно из самых необычных его впечатлений. Железная дорога, прорвавшаяся сквозь ледяные тоннели, вечную мерзлоту, неприветливую тайгу – где еще есть такое? Мы сидели с отцом перед телевизором и смотрели на Дмитрия Анатольевича Медведева. И тоже думали примерно то же самое: как это железную дорогу удалось построить в таком климате?

Отец был очень удовлетворен, что грузовое движение все

же пустили на этом сложном участке, что поезда теперь пойдут до Нерюнгри, Тынды, Москвы. Летом мы с отцом съездили в Нижний Бестях, еле прорвались к железной дороге через контрольно-пропускной пункт в тайге – тогда туда не пускали обычных якутян, объект был засекречен. В 2011 г. железнодорожного вокзала еще не было, мы увидели только нулевой цикл стройки, но зато стали свидетелями того, как загруженный под завязку товарный поезд прибыл в Нижний Бестях. Кстати, поселок был весьма похож на Тынду 70-х годов: тот же динамизм каждодневных буден, многоголосие людей, прибывших из разных концов страны, множество экзотичных товаров, привезенных по трем федеральным автотрассам и по одной железной дороге. «Осталось построить железнодорожный вокзал и пустить пассажирское движение и все – можно поставить жирную точку в этой великой стройке», – заявил отец. Он явно был очень доволен, что в его жизни были такие события как открытие БАМа, его возведение и вот теперь – долгожданное завершение. Я много раз бывала в Нижнем Бестяхе, много писала о нем, проводила социально-экономические исследования в Мегино-Кангаласском улусе, часто ездила на железнодорожный вокзал, следила за его перевоплощением. Меня даже называли летописцем Бестяха, мне нравилось изучать, как он меняется у меня на глазах. Прошло еще 7 лет. Наконец-то свершилось! Первый пассажирский поезд пошел по якутской земле от Нижнего Бестяха, поселка-сателлита Якутска до столицы Южной Якутии

Нерюнгри 27 июля 2019 года. Это был прорыв, победа, настоящий праздник! Этот день мы приближали как могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.